

I. НИНА ТЕВАНТО¹ О РОДИТЕЛЬСКИХ КОРНЯХ

Часть о роде Козловых со стороны матери.

Мои предки прибыли в своё время из Карелии в Тверскую область, где были крепостными. Род проживал в Тверской губернии, Бежецкого уезда в деревне Яковлево, в усадьбе Борисовское. Рядом было село Высокое, где находилась церковь. Город Тверь (в советский период Калинин) находится рядом с железнодорожным трактом Москва - Петербург; вблизи находится небольшой город Кашин, который отмечен на одной из фотографий. (Книга карта автодорог, 1990, стр. 37.)

Кòнон, прадед Нины Теванто или Бабу², жил в селе Высокое в своём каменном двухэтажном доме. Его сын, отец матери Бабу - Арсений Козлов (годы жизни примерно 1830- 1885) выиграл в государственной лотерее главный выигрыш в 200 000 рублей. На эти деньги он построил в селе Высокое каменную церковь, которая напоминала собой Владимирский собор в Петербурге у метро Владимирская. Вдобавок, он купил большое фермерское хозяйство в Борисовском и выстроил там новый деревянный дом, украшенный резными наличниками. Сохранились фотография дома, на которой так же запечатлён Арсений.

Жена Арсения - Татьяна Васильевна, бабушка Бабу, прожила до 1907 года. Есть несколько фотографий, на которых она присутствует. На одной из фотографий, скорее всего сделанной в Петербурге в 1904 году, на коленях у Татьяны Васильевны сидит её первая правнучка Ксения Ненонен, урождённая фон Шталь (von Stahl). У Арсения и Татьяны было много детей, некоторые из которых умерли ещё в детстве.

Из оставшихся в живых были:

1. Ксения или мать Бабу, она родилась 11.2.1861 и умерла 20.6. 1940 года.
2. Александр (дядя Саша), он родился примерно в 1863 и умер в 1922 году. Александр получил образование в торговом училище в Петербурге. Он жил в усадьбе Борисовское и работал там вместе с братом. Он был женат, но детей не имел.
3. Николай (дядя Коля) родился примерно в 1867 году и был расстрелян во время революции. Николай жил в усадьбе Борисовское и работал там вместе с братом. Был женат, дети рождены после 1906 года.
4. Мария, которая родилась около 1872 года, вышла замуж за почтового служащего Василия Феоктистова в 1906 году. Свадьбу сыграли в усадьбе Борисовское, есть свадебная фотография, сделанная на улице. В 1909 году Мария родила сына Арсения. Он закончил гимназию и учился в Петербурге. Семья жила по адресу Чернышёв переулок, сейчас улица Ломоносова, 18. По некоторым данным Арсений был жив ещё в 1977 году. Он был женат, как и его дети тоже. Последнее его место проживание было по вышеупомянутому адресу, в коммунальной квартире, на втором этаже, вход был со двора на право. Несмотря на попытки встретиться, встреча так и не произошла. В семье Марии и Василия жила удочерённая девочка.

¹Нина Ивановна Теванто (15.12.1885 – 11.10.1973), дочь Ивана Семёновича и Ксении Арсеньевны Крючковых. В замужестве Гаевская. После революции осталась с детьми Ириной и Юлием на даче в Куоккале. После Зимней войны и переезда в Хельсинки сменила фамилию на Теванто.

²В семье Теванто дети и внуки называли Нину Теванто «Бабу», сокращенно от «бабушка». Первым языком Нины и ее детей был русский.

Ксения - мать Бабу, которая была из рода Козловых, училась в Петербурге. Она вышла замуж в 1880 году за Ивана Семёновича Крючкова. Дяди Бабу жили в усадьбе Борисовское. Иногда ездили туда в гости, дороги в ту сторону были плохие, соответственно добираться было тяжело. Ходили слухи, что где-то, на территории усадьбы зарыт клад.

Мать Бабу учила дочерей грамоте - читать и писать. По рассказам Бабу, мать часто страдала головными болями - мигренями. После революции, мать Бабу проживала вместе с оставшимися в Петербурге дочерьми в одной из частей её бывшей квартиры. В 1929 году, после их смерти она переехала жить к сестре мужа, доктору по профессии. Мать Бабу умерла 20.6.1940 года. Её похоронили в Петербурге на Волковском кладбище. Могила не найдена.

Последний адрес, где проживала мать Бабу, был на Канале Грибоедова, 35, квартира 53. Много раз я ходила смотреть на этот дом. Дверь в парадную со стороны улицы была постоянно закрыта. В квартиру 53 на третьем этаже вход был со двора, с задней его части. В квартире, по моим данным, в какое-то время проживали дети пастора Торпова, и, перед второй мировой войной, инженер Александр Большаков; они приходились какими-то родственниками. Инженер Большаков работал на Ижорском заводе. После войны он уже не проживал больше по этому адресу, так как в этой квартире жил инженер Жарковский с женой Галиной Васильевной. Мы с Бабу узнали это от других жильцов дома, когда пришли по этому адресу в 1960 году. В квартиру мы попасть так и не смогли.

Часть о роде Крючковых со стороны отца

Род Крючковых происходит из Ярославской губернии, Рыбинского уезда, Никола-Задубровской волости, села Медведево. Где-то по близости, когда-то был монастырь Александрова Пустынь. Ближайшая железнодорожная станция Лом была в семи километрах от села Медведево. (Карта автомобильных дорог, 1990, стр. 40.)

В своё время, отец Бабу основал в селе Медведево профессиональное училище имени святых Семёна и Евдокии, о чём есть фотография. В селе была церковь Рождества Христова; во дворе стояла часовня, в которой были похоронены родители отца Бабу. В Медведево от отца остался дом с садом, который он завещал сестре-доктору.

Прадед Бабу - Степан родился около 1800 года. Он жил в Петербурге и был богатым человеком. В его владении была фонарная монополия по освещению улиц Петербурга - Свечной свет Яблочкова.

Сын Степана Семён или дед Бабу, учился в немецкой гимназии в Петербурге (Die Schule der reformierten Gemeinde in Petersburg), а позже и в русской школе. Семён был очень трудолюбивым человеком. Он владел патентом на производство шведского черного, кисло-сладкого хлеба; хлеб был везде известен под названием «знаменитый Крючковский хлеб». Жена Семёна Евдокия была дочерью купца Харитона Апраксина. Апраксин двор и рынок были результатом трудов этого рода.

У Евдокии и Семёна было трое детей:

1. Александр, который родился в 1846 году и продолжил хлебное дело отца. У него был сын Николай, который в своё время занялся тем же, а так же дочь Мария, которая была замужем за Кутузовым. У них была пивоварня. Вдова Александра вышла замуж за Большакова. В этом браке было много детей.

2. Отец Бабу - Иван, родился 19.7.1850 и умер 22.6.1917. Он учился в немецкой гимназии в Петербурге (Die Schule der reformierten Gemeinde in Petersburg). Иван хорошо владел языками и был очень сильным человеком. По окончании учёбы он сперва отвечал за переписку в Магазине фруктов и вин Елисеева. Наладив деловые связи с заграничными поставщиками, он основывает собственную оптовую базу и поставяет фрукты и иностранные вина. Елисеев был его поручителем. Часть товаров прибывала в порт Таллинн, где у отца Бабу были складские помещения, к которым были подведены железнодорожные пути.

После этого, товары доставлялись в Петербург поездом. Отец Бабу был в долевом владении одного норвежского судна под названием «Вера», скорее всего и некоторых других судов тоже. Доставка фруктов в Петербург в зимнее время требовала особой организации дел - поставки должны были быть постоянными и фрукты не должны были замёрзнуть. За эти заслуги отец Бабу получил прозвище "Апельсиновый король".

Отец Бабу выкупил у Елисеева два дома в переулке Чернышёва, 16 и 18, для своей семьи. Последний из домов он выстроил в дворцовом стиле, заручившись помощью зарубежных архитекторов. Отец Бабу был верующим человеком, пел в церковном хоре и заботился о том, чтобы дочери ходили в церковь по воскресеньям.

В своё время в Петербурге ежегодно издавалась книга "Весь Петербург". Из этой книги за 1917 год выясняется, что отец Бабу был задействован в довольно широком спектре должностей. Он был Действительный статский советник, коммерции советник, член городской Думы, казначей и член правления Российского императорского общества плодоводства, почётный член Российского Императорского коммерческого училища, постоянный член финансового отделения в Государственном банке, член торгового общества Петербурга (председатель в течении 3-х лет), основатель и председатель Ярославского благотворительного общества (основано в 1897 году), председатель общества поддержки в Петровском коммерческом училище, почётный мировой судья города Санкт-Петербурга (на фотографии в медальоне и с нагрудной цепью).

В этом списке было отмечено Ярославское благотворительное общество, которое находилось в Петербурге в доме отца Бабу. Под патронажем общества работал дом для сирот (30 сирот), детские ясли, а также дом для мальчиков-сирот, прибывающих из Ярославской губернии. В вышеупомянутом доме также действовало Общество для всеобщего образования, образованное в 1905 году.

Отец Бабу владел или, скорее всего, арендовал в Апраксином дворе несколько торговых точек и складов. По некоторым данным, часть их перешла во владение Елисеева. Так или иначе, в завещании отца Бабу от 1912 года, есть упоминание о Апраксиных торговых точках. По рассказам самой Бабу, ни одна из дочерей не привела в дом подходящего зятя

для продолжения дела оптовой торговли. Отец продал дело Елисееву и остался работать в других секторах. Он был человек полный энергии. Он также много занимался благотворительной деятельностью.

Отец Бабу скончался, попав под трамвай 22.6.1917 года, буквально за несколько месяцев до начала октябрьского переворота. Он похоронен в Петербурге на кладбище Александро-Невской лавры, в могильном склепе; несмотря на поиски, склепа так и не нашли. В 1912 году отец Бабу подготовил завещание, из которого выяснилось, что он владел пятью каменными домами в Петербурге, и то, как он думал разделить своё имущество и как должны будут распорядиться им после его смерти.

Вот некоторые выдержки из завещания:

Дом на улице Ломоносова, 18 (бывший переулок Чернышёва), завещался его супруге Ксении (матери Бабу), в этом доме в распоряжении семьи было два нижних этажа.

Дом на улице Ломоносова, 16 был завещан двум дочерям - Наде и Вере, в этом доме семья жила до переезда в дом номер 18.

Дом на углу Кузнечного переулка, Пушкинской улицы и Коломенской улицы был завещан Бабу и младшей сестре Наталье. Этот доходный дом был отремонтирован в 1989 году.

Дом на углу улицы Бассейной (номер 56) и улицы Фонтанной был завещан старшей дочери Евдокии, этот дом так и не найден, улицы Фонтанной не существует. [Прим. пер.: улица Фонтанная существует и сейчас, а вот Бассейная существует, но в другом районе Петербурга, а та улица, что имела в виду автор воспоминаний, переименовали в улицу Некрасова. Дом на этом месте сохранился и находится в прекрасном состоянии, за тем же номером 56].

Дом на углу Большого проспекта (51/52) и улицы Матвеевской плюс участок земли на углу улиц Большой Пушкарской и Матвеевской (42/2), был завещан городу Санкт-Петербургу для постройки Высшего Коммерческого училища; как дома, так и участка земли найти не удалось.

Кроме недвижимости в Петербурге, отец Бабу владел в Куоккала участком земли с береговой линией на 7 га, участком с усадьбой и лесом в 20 га и отдельно полями на 3 га. В Уусикиркко у него была дача покромнее. В Новгородской губернии, рядом с Новгородом, в Старой Руссе - на курорте с минеральными источниками у него во владении был двухэтажный дом на каменном фундаменте на углу улицы Ильинской и переулка Лебедева.

Существует несколько портретов, написанных с отца Бабу, их целых три:

- 1) В Петровском коммерческом училище, как один из основоположников и председатель правления.
- 2) В интерьерах Петербургской Торговой палаты был сделан портрет как председателя Торговой палаты, кисти художника Харитоновна.

3) В 1908 году, художник Илья Репин запечатлел отца Бабу на портрете в Куоккала. Портрет находится в Твери в городской художественной галерее, инвентарный номер 816.

Мне кажется, что в архивах Петербурга можно найти ещё много информации про Ивана Семёновича Крючкова.

3. Третий ребёнок Семёна и Евдокии - Александра - тётя Саша, тётя-доктор, родилась в апреле 1853 года и умерла 2.7.1931 года. О ней есть вырезка из газеты с объявлением, когда ей исполнилось 75 лет. После школы, при поддержке и помощи брата Ивана, она выучилась на доктора. Она была одна из первых врачей-женщин в России. Она была не замужем и много участвовала в воспитании и развитии дочерей брата. По молодости она отработала 6 лет сельским врачом. Но, начиная с 1890 года, она уже работает в Петербурге, в Боткинской больнице, во время эпидемии холеры. В справочнике «Весь Петербург» отмечено, что она работала детским врачом, земским думским врачом, а также врачом в Ярославском благотворительном обществе.

В Петербурге она постоянно проживала по адресу Канал Грибоедова (бывший Екатерининский канал) 35, квартира 53. Со слов Бабу, у неё был приём пациентов в частном порядке. После революции она так и продолжала работать врачом, ходила на вызовы. Когда ей исполнилось 75 лет, в советской газете была об этом статья и фотография. К тому времени она отработала врачом 45 лет. Во дворце Труда был по этому поводу праздник; было много цветов и речей. Так же был праздничный ужин на 30 человек. В Москве ей был вручен знак особого отличия - "Герой труда". Из одного письма стало известно, что пенсия у героя труда была такая же, как средняя заработная плата, на 1928 год она составляла 140 рублей, в то время как обычная пенсия была 65 рублей в месяц.

С Бабу тётя-доктор вела переписку до самой смерти. Она позаботилась о похоронах племянниц Нади и Натальи в 1929 году. В том же 1929 году она писала, что к ней переехал Александр Александрович Большаков, студент, родители которого умерли.

Тётя-доктор вышла на пенсию 1.9.1930. Она умерла 2.7.1931 года и похоронена на кладбище Александро- Невской лавры в могильном склепе. Как доктору, тётушке Бабу советская власть отдала во владение её собственное жильё. К тому же, как мне кажется, у неё имелись и другие привилегии, благодаря которым она заботилась о своих родных. Так, например, мать Бабу жила последние годы в ее квартире.

II. НИНА ТЕВАНТО, ЭТАПЫ ЖИЗНИ

Моя мать, Нина Теванто, до 1941 Гаевская, урождённая Нина Ивановна Крючкова, или, как ее называли в семье, Бабу, родилась в Петербурге 15.12.1887 года; по новому календарю дата рождения 28.12.1887 года, скорее всего, год рождения был 1885, хотя, по какому-то недоразумению во всех документах год рождения записан как 1887. В семье матери было 5 девочек и один мальчик, который умер совсем маленьким. Из дочерей, Бабу была четвёртой по счёту.

Семья сперва проживала по адресу переулок Чернышёва 16, а позже, начиная с 1892 года, на той же самой улице в доме 18; современное название улицы - улица Ломоносова. Квартира/апартаменты располагались на двух этажах, в которых отец Бабу вместе с архитекторами создал дворцовую обстановку. Был парадный подъезд, лестница, колонны, камин, торжественно выполненные потолок и стены в приёмном зале, великолепный паркет и много другого, чего уже сейчас нет. Во внутреннем дворе находились хлев и стойла для собственных лошадей, а также каретная.

Школа находилась напротив, Бабу пошла в школу сразу со второго класса. Мать Бабу изначально дала дочери знания начальной школы, к тому же, в семье была преподаватель французского языка, а летом в Куоккала брали немецко-говорящую фрёйляйн. Учитель музыки приходил и давал уроки игры на пианино, а "мэтр балета" давал девочкам сложные уроки танцевального мастерства того времени.

Бабу была немного обижена на то, что ее не отдали в немецкую школу ПетерШуле, а отправили в русскоязычную. По её рассказам это было потому, что младшая из сестёр была "любимчиком" в семье, и родители хотели, чтобы младшие сёстры ходили вместе в ближнюю школу; они начали учиться одновременно, младшая пошла в первый класс, а Бабу начала со второго. Самой способной оказалась старшая сестра Евдокия. Следующая сестра Надя - самой музыкально одарённой, третьей была Вера, которая была самой общительной, несмотря на то что заикалась. Бабу любила искусство и путешествия, младшая Наталья была физически слабенькая. Бабу было 16 лет, когда она закончила школу. В дипломе было отмечено: награждена серебряной медалью.

Раньше семья проводила лето за городом, в направлении Петергофа, в местечке Старая Русса вблизи Новгорода. Усадьбу в Куоккала купили ещё до того, как Бабу пошла в школу, и с тех пор все лето проводили там.

После окончания школы Бабу, как и всех старших сестёр, отправляли в Швейцарию, в Лозанну, на два года в школу-интернат для изучения хороших манер и, конечно же, закрепления навыков французского языка. Английский язык Бабу учила в течение одного года, в школе, среди свободно выбранных предметов.

Сестра отца Бабу, её тётя, была ей крёстной матерью. Она была детским врачом, которая считала, что женщины должны учиться и получать соответствующее образование. Бабу была ещё слишком молода для того, чтобы начать докторское образование, возрастная граница была с 19 лет. Поэтому она начала изучать в университете русский язык, историю России, эстетику и латынь. Закончив обучение, она получила учительскую степень и преподавала

некоторое время в школе для девочек в Петербурге. Из других дочерей, только Надя училась в университете, потом ещё в консерватории и играла на скрипке потом в каком-то небольшом оркестре.

Во время эпидемии холеры Бабу прошла полугодовые курсы медсестёр и работала медсестрой в какой-то из детских больниц. После этого она не стала поступать на докторское отделение, сказав, что чувствует себя плохо при виде операционных действий.

Бабу любила искусство, она долго училась в академии художеств Петрова-Водкина. Против воли отца, Бабу, вместе с учениками академии путешествовала и училась в Гейдельберге. В те времена это было довольно редким явлением, когда женщина учится и к тому же самостоятельно путешествует. Сохранился список путешествий, которые Бабу когда-либо совершила и записала сама. Некоторые из мест выделены из списка отдельно, такие как: 1908 год - Крым, 1909 год - Кавказ, Тбилиси, 1910 год - Константинополь, Греция, Египет, Палестина, 1911 год - Гейдельберг, Шварцвальд, Мюнхен, 1912 год - Гамбург, Италия, 1913 год - Италия, Гамбург, Бельгия, Голландия, 1914 год - Новгород, Париж, Самарканд, Бухара, Ташкент. Все путешествия оплачивал отец Бабу. Однажды с ней путешествовали сестра Надя, и как помнится, сестра Вера.

В начале первой мировой войны Бабу так и оставалась незамужней и продолжала художественное образование, отец Бабу даровал свои сбережения на строительство ателье для нее в Куоккала [Прим. пер.: где она могла бы заниматься живописью]. Ателье осталось недостроенным, лишь остов из брусьев возвышался над каменным фундаментом.

В 1916 году Бабу жила у родственников матери в Тверской губернии, в Борисовском, где её дядья Александр и Николай проживали постоянно. Затем она побывала в Туркменистане, а затем в 1917 году в отцовской родной усадьбе Медведево, в Ярославской губернии. Там рядом была часовня, стены которой Бабу хотела выложить мозаичным узором. Раствор для укладки был готов, но работа так и не осуществилась.

Летом 1917 года, точнее 22.6.1917, отец Бабу погибает, попав под трамвай. Бабу тогда находилась в дороге и не успела на похороны.

От художественной академии Петрова-Водкина были выбраны четыре ученика в кандидаты директоров художественных музеев. Таким образом Бабу стала директором художественного музея в Киеве. В советские времена ей приходилось оценивать имущество и религиозные ценности сельских церквей, такие как иконы и другие ценные предметы искусства, а также следить, как сдавалось имущество, и составлять списки. Для обеих сторон эти визиты были очень неприятными; ценные предметы пытались укрыть, спасая от сдачи. В 1918 году Бабу проживала в Киеве, так же она была и в Одессе. Летом, 6.7.1918 года она приезжала в Петербург, а после этого, осенью, просила прислать ей тёплые вещи в Киев.

Бабу вышла замуж в начале следующего года. Её сочетали браком 26.1.1919 года с Иваном Александровичем Гаевским в деревне Барки, под Киевом.

После этого она жила в Вильнюсе и Варшаве. В какое-то время она переболела сыпным

тифом. Перед тем, как лечь в больницу, она оставила какой-то семье все свои драгоценности, очень дорогостоящие. Вернувшись из больницы, она уже не нашла той семьи, которой оставила на хранение свои драгоценности.

18.11.1919 в Витебске, в Польше у Бабу родился сын Юлле. После этого были и другие места проживания - Кулм и Зегиестов Здрой, рядом с Закопане.

Следующим важным этапом в жизни Бабу был переезд в Финляндию, в Куоккала.

Бабу и Вера вели переписку, практически всегда на французском языке, они знали о том, что доходы от продаж акций судна "Вера" поступали в Финляндию. В Польше в то время было очень беспокойно. Муж Бабу не был в то время в Кулме, а был где-то связан с авиацией. Польский язык Бабу выучила настолько хорошо, что все письма от мужа приходили на польском языке, даже в то время, когда Бабу уже переехала в Куоккала.

В Финляндию Бабу прибыла 5.7.1921 года. В то время у неё был польский паспорт, где годом рождения был указан 1887 год. Бабу остановилась в той же самой усадьбе, где проживала её старшая сестра Вера фон Шталь с мужем, после того как они бежали из Кронштадта.

Спустя нескольких месяцев после переезда в Куоккала у Бабу рождается второй ребёнок, девочка, которая при крещении получила имя Ирина. По соседству была школа, в учительский состав которой Бабу входила с 1923 по 1927 год, преподавая рисование, письмо и русский язык. По совместительству, Бабу расписывала вручную деревянные шкатулки и пеналы для карандашей цветами; их изготавливал плотник, живший в соседней усадьбе.

Летом Бабу занималась садом, который в какие-то годы цвёл и плодоносил так, что часть урожая шла на продажу. Был так же участок для выращивания овощей, кусты смороды и разные сорта яблонь. В течение нескольких лет у Бабу была помощница по хозяйству, в котором были корова и куры.

Из переписки стало известно, что Бабу развелась с мужем 27.3.1924 года, но из Польши поступали постоянно деньги на содержание.

В 1928 году художественное ателье (Студия) была продана и перевезена на новое место.

Бабу учительствовала в школе в Куоккала и Юлле пошёл в школу в 1926 году, а я в своё шестилетие 26.10.1927 г. Упомянув Юлле, хочется заметить, что он с маленьких лет очень хорошо рисовал. По причине нехватки средств, школу в Куоккала закрыли весной 1928 года, в то время Бабу осталась без должности учителя и дохода. Тех средств от акций судна "Вера" ещё хватало, и следующую зиму 1928/29 годов Бабу провела в Куоккала, занимаясь практически только образованием Юлле. Дом в Куоккала, дом смотрителя и сауну Бабу содержала в постоянно в хорошем порядке.

1. 9. 1929 года Бабу получает должность заместителя директора интерната в Райвола, в её педагогическую деятельность входило обучение письму и рисованию. Мы, дети, учились на общих правах с другими детьми.

Вспомнив здесь о сёстрах Бабу, хотелось бы вспомнить Веру, которая переехала к старшей сестре Евдокии фон Шталь из Куоккала в Уусикиркко после смерти мужа 24.4.1927 г. Из двух оставшиеся в Петербурге сестёр, Надя умерла в 29.3. 1929 году от сепсиса/заражения крови, а младшая Наталья от гепатита в 10.7.1929 году. Как Надя, так и Наталья не были замужем. Бабу не раз отправляла продовольственные посылки в Петербург матери, как-то через Эстонию или Латвию, в которых в основном была мука, сахар и т.д. А тётя-доктор в свою очередь отправляла рубли в Финляндию.

Период работы в Райвола длился два года, после чего интернат закрыли из-за нехватки средств. В Райвола Бабу учила по вечерам шведский язык, а летом в Куоккала - финский.

15.8.1931 года Бабу с детьми переехала в Хельсинки. Скорее всего у неё были сбережения со времён работы в Райвола, а также из Польши постоянно поступали деньги. В Хельсинки Бабу работала заместителем учителя и давала уроки русского и французского языков. Несколько лет она работала на дому, на Валистус АО [Прим. пер.: книжное издательство, выпускавшее все учебники, прописи и пр. для школы, название переводится как «Возрождение»], наклеивая этикетки на цветные мелки. Некоторое время Бабу работала на компанию «Карл Фазер», там она расписывала различные украшения, рисовала носы, глаза, уши, волосы и т.д., рождественские и пасхальные шоколадные и марципановые изделия (животных, дедов морозов, рождественских гномов, петушков, цыплят и т.д.)

Все лета с 1931 по 1939 годы мы проводили в Куоккала. В усадьбу, после закрытия интерната в Райвола, купили кровати, матрасы, одеяла и пр., хоть и своего собственного добра хватало. Бабу начала сдавать усадьбу как пансионат. Иногда там были частные жильцы, а иногда размещался летний лагерь Лотта-Свярд. В доме смотрителя постоянно проживала одна семья, которая платила за аренду дома. Здание сауны отремонтировали в современном стиле и там в двух комнатах с кухней жили Бабу с детьми. В конце лета, в августе мы уже обычно жили в усадьбе.

Сестра отца Бабу, тётя Саша (Александра) умерла 2.7. 1931 года, она родилась 4.4.1853 г., мать Бабу, которая родилась 11.2.1861 году, умерла 20.6.1940 г. Последние годы жизни она жила в квартире тётя-доктора. После этого никого из родных не осталось в Советском Союзе, кроме как детей брата отца и детей сестры и брата матери или их потомков, которые наверняка живы.

Все другие, кроме матери Бабу, похоронены в Петербурге на кладбище Александра Невской лавры, в могильном склепе. Мать Бабу похоронена на Волковском кладбище в Петербурге. Летом 1960 года мы с Бабу разыскивали могилы в то время, когда посещали Ленинград и Куоккала, но не нашли их.

Из последних, известных мне остававшихся в живых, был Арсений (примерно 1909 г.р.), сын Марии, сестры матери Бабу (1872 г.р.), последний адрес которого был по улице Ломоносова, 18, в подъезде со стороны двора, на втором этаже; его фамилия была Феоктистов.

Бабу понимала, что в конце концов ей придётся остаться жить в Финляндии постоянно. Она подала заявление на получение гражданства Финляндии и получила его в 2.9.1938 году, так же, как и мы с Юлле, будучи несовершеннолетними детьми. Новой фамилией для нас всех стала фамилия Теванто, с 3.3.1941 года.

Почти сразу после переезда в Хельсинки, Бабу пошла на языковые курсы финского и шведского языков в Училище для рабочих. Она так же приняла участие в курсах по лепке из глины и затем участвовала в выставках. Однажды она участвовала в поездке в Стокгольм по направлению Училища для рабочих.

После того, как Куоккала осталась за границей, Бабу организовала себе от городского муниципалитета картофельное поле, в некоторые годы их у неё их было даже два. На Мунккиниemi у неё было 2 ара хорошо обработанной земли. Там произрастали кусты смородины, клубника, цветы и конечно же, картофель.

Учеником свободной школы художников Бабу была с 1948 по 1954 годы. Среди её учителей были Сипиля, Росселл, Сигрид Шауман, Унто Пуса и Сэм Ванни.

Получив денежную компенсацию за утраченное имущество в Куоккала, Бабу потратила часть денег на покупку участка совершенно необжитой земли в Тапиола. После чего, денег осталось еще и на жизнь. После того как Бабу исполнилось 65 лет в 1952 году, она стала получать государственную пенсию.

С 1947 года дети начали помогать матери, в то время она начала заниматься и работать с искусством как таковым. В школе свободных художников одним из заданий было нарисовать портрет, и Бабу нарисовала большой портрет Юлле как выпускника лица, пририсовав к фуражке большую чёрную кисть. Этот портрет, преподаватель Сипиля оценил в паре с одной из одной из двадцати лучших оставшихся работ в 11.2.1949 году. Сейчас портрет находится у Сиркка Теванто.

Лето 1948 года Бабу провела в Калаёки, где рисовала закаты солнца. Летом 1949 она снова была у нас в Римпиляниemi и рисовала сопки («опасные склоны») Вуокатти. На следующий год она снова была с нами в месте под названием Корванниemi, где не забывала про творчество. В этом же 1950-м году она участвовала в курсах по пейзажному искусству в Хельсинки, рядом с Зоопарком и Ботаническим садом. После этого курса осталось несколько картин.

Как я раньше уже упоминала, Бабу путешествовала очень много в молодости. В первое долгое путешествие после того времени, она отправилась лишь после того, как дети получили образование и уехали из дома. Путешествие было спланировано во Францию, а в конце в Испанию. Путешествие, в котором и я принимала участие в течение двух недель, было в сопровождении гида, а затем уже мы путешествовали с Бабу вдвоём в Париж, затем в Бордо - Биарриц - Лурд - Тулуза - Каркасон - Перпиньян и Баньюльс-сюр-Мер; после чего Бабу уже продолжила путь одна в Монте Серрат - Акс - Гренобль и Париж, из которого Бабу вернулась в Хельсинки. После того, как я рассталась с Бабу, я поехала в Париж, а за тем уже в

Хельсинки и Каяни. Я была в пути с 12 по 27 мая 1951 года, а путешествие Бабу закончилось лишь 24 июля.

Бабу путешествовала в основном поездом, никогда самолётом. Она никогда не пользовалась купе и спальными вагонами, а предпочитала плацкарт, где дремала во время пути и заодно наблюдала за тем, как люди путешествуют, зачастую у неё был альбом для зарисовок с собой.

Летом 1952 года Бабу путешествовала с семьёй на автомобиле по Скандинавским странам: Швеции, Норвегии и Дании. Затем, она продолжила путешествие одна, сначала в Висбю, а затем опять в Париж. Там, она, по некоторой информации, встречалась с Яном Вильчинским, который по моим данным, которыми я владею, являлся тем же самым человеком, за кем Бабу была замужем - Иваном Гаевским. Из Парижа путь Бабу пролегал по маршруту Ментон - Рим - Неаполь - Искья - Сант-Анджело - Салерно - Казамиччиола (восхитительное место, отель Коралло). В обратный путь Бабу отправилась из Милана и прибыла в Хельсинки 3.11.1952 года, её путешествие, в итоге, продлилось более трёх месяцев. Необходимо упомянуть о том, что Яном Вильчинским на имя Бабу было отправлено из Парижа в Ментон письмо, вместе с которым было отправлено 40.000 французских франков. Письмо следовало повсюду за Бабу и дошло до адресата лишь в Хельсинки. Весь конверт во время пути был проштампован многочисленными почтовыми штемпелями.

Бабу жила на улице Меримиехенкату, 26б, кв.15 до декабря 1952 года. В доме не было лифта, горячей воды и на кухне был газ. Садовый участок Бабу был на Мунккинеми, приобретённый участок в Тапиола, а дочь с семьёй жила в Мейлахти. Когда Бабу предложили возможность переехать в дом, где был лифт и все другие удобства, она согласилась. Квартира была в нашей собственности и находилась на Мунккинеми. Вышло так, что из-за финансовых причин Бабу поселила в одной комнате жильца, ей же осталась для проживания другая с кухней. Если бы жильца не было, Бабу, вероятно, сразу бы занялась творчеством. В любом случае, она была уже в возрасте, но даже в этих условиях она писала картины и путешествовала.

Часть лета 1953 года Бабу провела с нами в Лохья на даче и часть лета в Ханко. Летом 1954 года она принимала участие в творческом слёте художников в Лапландии. Она была самым пожилым участником курса рисования; слёт был прекрасным, все ей помогали. Преподавателем был Аарно Ахтая. Результатом были картины с Палласярви и с Палластунтури.

1.10.1954 Бабу отправилась в долгое, заранее спланированное путешествие с художественно-образовательной целью. Маршрут в начале пути был следующим: Хельсинки - Киль - Гейдельберг - Фирвальдштет - Венеция (Биеннале) - Падова - Париж. Для того, чтобы покрыть расходы на путешествие, Бабу сдала всю квартиру на Мунккинеми на всё время её прибывания в пути; валюту мы ей присылали ежемесячно из Хельсинки.

Фактически, долгий курс обучения проходил в Париже в Академии Андре Лота. Бабу проживала в очень простой гостинице, вблизи академии (Hotel du Parc rue Jolivet) и очень

усердно работала. Андре Лот хвалил и называл Бабу финским Матиссом и одна из картин была вывешена в академии в течении месяца на почётном месте.

В Париже Бабу ознакомились ещё с несколькими другими академиями, Академия де ла Гранд Шомьер и Академия Ронсон.

Из Парижа Бабу продолжила путь на юг. Часть картин и багажа Бабу оставила на хранение в Париже. В этот раз она посетила вновь Венецию (Каса Паганелли), затем Сицилию, Мессину, Таормину, Стромболи, Искью. Домой в Хельсинки Бабу прибыла 10.6.1955 года.

Летом 1955 года, Бабу побывала в Сюсьмя, затем в Калаёки и была на художественном слёте в Корпилахти.

Летом 1956 года Бабу отправилась с Юлле, Сиркка и Марьей в путешествие в Хаммерфест. После чего она продолжила путь одна на корабле до Лофотенских островов (Свольвер). В 1957 и 1958 годах Бабу проводила лето в Финляндии: в Карялохья, Ханко и Асиккала.

Летом 1959-го года Бабу отправилась с семьёй Юлле в путешествие по Центральной Европе, откуда потом, она продолжила путешествие в одиночку до Испании. Местами посещения для начала были: Торремолинос, Гранада и Танжер. Бабу так же планировала путешествие на корабле до Канарских островов, но так туда и не отправилась. Затем, путь лежал в такие места как: Ибица, Мальорка, Кордова, Севилья, Сан Себастьян и Биарриц. Домой Бабу вернулась в ноябре.

В 1960-м году мы вместе с Бабу совершили путешествие в Ленинград. Путешествие длилось неделю. За это время мы смогли найти много знакомых Бабу мест, дома, которые были в завещании и т.д. Захоронения, которые искали, мы так и не нашли, как и не встретились с родственниками. В Куоккала ездили на электричке.

В 1961-м году, с июля по август Бабу путешествовала в последний раз на юг. Она путешествовала по Испании, была на Пиренеях, в Андорре и Франции.

С самых юных лет Бабу всегда хотела путешествовать и увидеть мир. Её родители не брали её с собой в путешествия, лишь у старшей сестры была эта привилегия. Швейцария была первой страной, куда устремилась Бабу из устарелой, консервативной России, в которой отец Бабу был как раз прогрессивным и передовым.

Совершив путешествия в Грецию, Египет и Самарканд во время учёбы, Бабу запомнила их навсегда, т.к. они оказали на неё неизгладимое впечатление. Она рассказывала, как долго она ехала на верблюде, и вспоминала о том, как отправившись из России в Самарканд, проезжая однотипные российские пейзажи, в тамбуре молодёжь распевала песни о свободе. Учёба в университете Гейдельберга заслуживала особой похвалы. В молодости у Бабу, во время путешествий, всегда была с собой фотокамера, очень ценная Лейка. Фотографии

проявляли с сестрой Надей, снимки остались в Петербурге.

Путешествия из Финляндии были всё более затруднительными для возраста Бабу, который давно перевалил за средний. Она путешествовала всегда налегке с малым багажом, ночевала в монастырях и общежитиях для путешественников, не жаловала полный пансион и была скромна в выборе еды. Во время путешествий она посещала старые церкви, музеи и выставки и наслаждалась морем. В пути она всегда рисовала и привозила домой художественно выполненные открытки.

Владея французским и немецким языками, она без труда ладила со всеми во время путешествий, справлялась с итальянским и испанским языками, так как учила в своё время латынь. Шведский язык Бабу выучила настолько хорошо, что могла понимать научные чтения/лекции.

Она следила за удивительно многим в газете Хювюдстадсблáдет [газета Hufvudstadsbladet была и остается главной ежедневной газетой в Финляндии на шведском языке, прим. пер.], вырезала картинки и статьи и раскладывала их по папкам. Финский язык становился слабее и будучи за границей, столкнувшись с финским туристом, Бабу долго доказывала и объясняла, что она тоже из Финляндии.

На деньги, возмещённые государством за потерю земель и имущества во время войны, Бабу построила, с помощью Юлле, небольшой и незатейливый домик на приобретённом в Тапиола участке земли. На участке не было ни электричества, ни отопления, ни водопровода. Летом Бабу приезжала туда на автобусе с запасом еды и питьевой воды; ночевать она там никогда не оставалась. - Адрес участка в Тапиола: Пухуринполку, 4. В 1965 году, когда у Юлле случились денежные трудности в связи со строительством Мериккё [это название дома, в Финляндии часто домам дают "имена", прим. пер.], Бабу продала, приобретённый в 1949 году участок земли в Тапиола, судье Шрей, который жил по соседству за 80.000 марок; цена при покупке земли была 200.000 марок, старыми деньгами [В 1963 г. в Финляндии была проведена денежная реформа, 1 новая финская марка соответствовала 100 старым. Таким образом, в новых деньгах участок в Тапиола был куплен в 1949 г. за 2000 марок, а продан в 40 раз дороже, за 80.000. Такое подорожание было вызвано тем, что в 1949 г. Тапиола была деревенским районом Эспоо, а к 1965 стала его центральной частью. Прим. пер.].

После продажи Бабу дала по 10.000 марок Юлле и мне, выкупила в собственность квартиру на Мунккиниemi за 50.000, а остальное оставила на жизнь. Вдобавок она получала пенсию и небольшие денежные суммы от детей.

Как-то Бабу решила попробовать жить в доме престарелых. Сперва она была в доме под названием Канерва [вереск, прим. пер.], в Вестэнде, ей там не понравилось и она вернулась домой. Вторая попытка была с домом "Хелена" на Хамеентие, где сестра Бабу Вера жила до этого много лет. Бабу не понравилось и там, хоть она и привезла с собой свою мебель, после этого она вернулась вновь домой.

К Бабу приходила помощница на неполный день, она была русскоязычная и жила на Мунккиниemi, так же дети и внуки приходили помогать.

Первый инсульт головного мозга Бабу пережила в 1968 году и по этой причине была в больнице Кивеля около 3-х недель. Она прекрасно восстановилась после этого инсульта. Осенью 1970 года она попала вновь в больницу, после чего она не смогла уже ходить. В начале она ещё могла сидеть и разговаривать и самостоятельно есть. В Университетской больнице Хельсинки она пробыла около трёх лет, а состояние её всё ухудшалось. Последние три недели до смерти она провела в Коскела, где она и скончалась 10. 11. 1973 года. Урна с её прахом похоронена на Хельсинском православном кладбище.

Несмотря на все препятствия, революцию и, временами, нехватку средств, Бабу, на сколько я была свидетелем, прожила очень интересную и богатую событиями жизнь.

Она занималась творчеством всю свою жизнь. В академии художеств Петров-Водкин отмечал её талант. Затем в творчестве произошёл долгий перерыв. Бабу умела жить, обучая будущие поколения и встречая новое в своей жизни. Свободная Школа художеств была новым началом и импульсом. Бабу даже хотела поступать в Атенеум, но была уже в возрасте для начала бумажной волокиты. В Париже в Академии Андре Лота, как она говорила, она дошла до хорошего уровня и могла бы продолжать, но вернувшись в Хельсинки, ей уже не хватило для этого энергии. Художники Юнгве Бяк, Унто Пуса, Сигрид Шауман и Сам Ванни звали Бабу участвовать вместе с ними в совместной выставке "Призма", кажется в 1956-57 годах, но Бабу отказалась по той же причине. Пять её картин были выставлены на выставке в Эспоо в августе 1963 года.

В нашей семье имя Бабу было привычным. Оно произошло от русского слова бабушка. Когда наши дети были маленькими, они сократили это сложное для них слово до Бабу.

У меня чувство гордости и благодарности за всё то, чего мама достигла в своей жизни, а особенно за душевное богатство, за то, что она любила детей, любила заниматься с ними, а в школьном возрасте делала с ними поделки, играла даже в карты и разговаривала по душам о многом важном.

Дополнение о картинах Бабу

Ещё при жизни, Бабу подарила несколько картин мне и Юлле и одну картину на 50-летие Эйно. В её бумагах было пожелание, что после смерти мы должны организовать выставку её картин. Говоря о картинах, Бабу упоминала, что некоторые из полотен остались недоработанными. Бабу хотела, чтобы выставка была организована в художественном салоне Баксбакка или в салоне Хорхаммер. Из обоих мест приходили осматривать картины, но не один из них не заинтересовался и не согласился на организацию выставки. Профессор Ауне Линдстрём, так же приходил взглянуть на картины; он положительно отнёсся к картинам, но не более.

Часть картин была выполнена на картоне, большая часть из них была без рам, часть не имела подписи. Картины были выполнены в 1950-1962 годах. Общее число картин, включая

незавершенные, было около 70. Кроме того, были еще эскизы и рисунки, выполненные цветными карандашами.

Большая часть картин была написана в художественных лагерях/курсах под покровительством Свободной школы художников, а также в Лаппландии и Корпилахти. В коллекции парижских времён 15 картин, где одна из копий с полотна Андре Лоте. Часть картин написана во времена летнего отпуска, проведённого у нас на дачах, и одна в Вьяксю. После смерти Бабу картины разделились между мной и Юлле, часть для будущих поколений. Перед тем как снять картины со стен, были сделаны несколько снимков в квартире Бабу.

III. ЭТАПЫ МОЕЙ ЖИЗНИ

Я родилась на Карельском перешейке, в волости Терийоки, в Куоккала 26.10.1921 г. В тот день шёл сильный снег, который покрыл землю, наступила ранняя зима.

За доктором поехали на лошади в Терийоки. На месте была так же акушерка, сестра моей матери Нины (Бабу) - Вера, её муж Борис и мой брат Юлиус (Юлле). При рождении я весила 3,3 кг.

То, что я родилась в Финляндии, а не в Польше, например, говорит о том, что после войны Бабу удалось, благодаря переписке с сёстрами, заручиться информацией о том, что им удалось осесть в родительских имениях в Финляндии.

Старшая сестра моей матери Евдокия с семьёй обосновалась в Уусикиркко, Вера с мужем добрались из Кронштадта по льду до Куоккала. Остальные родные, мать и две сестры Надя и Наталья остались за границей в Петербурге.

Из писем Бабу стало известно, что акции её отца приносили доход от части владения транспортного судна «Вера», которое в условиях того времени не могло оставаться в Петербурге и поэтому решено было его оставить в Финляндии. Скорее всего, именно по этой причине Бабу думала, что её проживание в Куоккала с детьми будет безопасным и совершенно возможным с финансовой точки зрения, по-крайней мере некоторое время по сравнению с Польшей, которая уже была не так значима для неё. К тому же, все надеялись, что жизнь в Петербурге опять наладится, как и связь через границу.

Бабу прибыла в Хельсинки на корабле. Из порта до железнодорожного вокзала ей помогла добраться какая-то женщина из Армии Спасения. У Бабу было много вещей с собой, двухлетний Юлле, а меня Бабу ещё только ожидала. Днём прибытия в Финляндию был 5.7.1921 года.

Куоккала была в приграничной полосе, и туда был необходим вид на жительство, заверенный начальником полиции. Вид на жительство приобрёл какой-то добрый сосед. Даже в поезде знали, что у отца Бабу была усадьба в Куоккала, разрешение на въезд было дано.

При моём крещении присутствовала вся семья сестры Бабу Евдокии из Уусикиркко. В Финляндию они прибыли через Германию и Эстонию. Фамилия их была фон Шталь. В семье было трое детей, две девочки и один мальчик.

У тёти Веры детей не было. Ириной (Ира) меня звали в начале и только в студенческие годы, в следствии разных причин имя преобразовалось в Ирен (Irene).

С младенческого возраста до двух лет Бабу помогала ухаживать за мной помощница по дому Луша. Кроме работы по дому она ещё ухаживала за коровой и доила ее. Ещё у нас были куры, а летом и цыплята. Когда мне исполнилось два года, Луша ушла от нас. Корову пришлось продать, так как Бабу не смогла за ней ухаживать. После этого у нас были помощники на день или частично занятые, не на полный день.

Бабу устроилась учителем в школу, которая была по соседству, к востоку от нас. Как я помню, в школе было три класса начальной школы и четырёхлетняя средняя школа. Бабу преподавала в школе рисование и каллиграфию, чистописание. В Петербурге полученное образование давало ей возможность преподавать литературу и русский язык, но к тому времени там уже были квалифицированные учителя по этим предметам.

За нами, детьми, смотрела и ухаживала молодая девушка Фрося Шорина - помощница на неполный день, а за тем постарше Эльвира, у которой с собой была дочка одного возраста с Юлле. Позже к нам приходила из Оллила госпожа Малман, уже чуть старшего возраста. Она приносила всегда с собой молоко из другого дома. Ещё она ходила в магазин и по необходимости расчищала в снегу тропинку для финский саней вплоть до самой дороги. Взрослый сын госпожи Малман, Эйно помогал носить на верхний этаж дома в холодную кладовую колодезную воду в дубовую бочку, а также дрова.

Школьный смотритель соседней школы изготавливал из фанеры пеналы для карандашей, маленькие ящички и пр., крышки которых Бабу искусно расписывала. Сосед покрывал их вдобавок лаком и отправлял на продажу в Выборг.

До революции в Куоккала уже был огород, который было легко начать снова обрабатывать. Бабу даже продавала выращенные овощи с огорода. У нас были клубника, огурцы из открытого грунта, бобы, салаты, свекла, морковь и, конечно же, картофель со своего участка. На зиму заготавливали большие банки солёных огурцов.

У тёти Веры и её мужа были утки и гуси. Тётя и дядя жили на нижнем этаже в двух комнатах под нами. Муж тёти Веры Борис был моим крёстным отцом, а сестра Бабу Евдокия - моей крёстной матерью.

Дядя Борис был полковником, который не привык к физическому труду. В Куоккала ему всё-таки приходилось заниматься колкой дров. С нами, детьми, он был хорошим компаньоном на улице. Помню, что у него была привычка курить. Когда мне было 4-5 лет, дядя Борис скончался. Он был похоронен на кладбище в деревне Тулокас, с северной стороны железной

дороги. После смерти мужа тётя Вера переехала жить к сестре Евдокии. Позже она жила в одной семье, где обучала детей игре на пианино. Тётя Вера, не привыкшая работать по хозяйству и не обученная никакому ремеслу, ещё довольно-таки в молодом возрасте переехала жить в дом для престарелых.

Во времена молодости Бабу в Петербурге дочерей не приучали ни к труду на кухне, ни к рукоделию. Бабу была самой практичной, независимой и энергичной из сестёр, благодаря чему она справлялась с вызовами и условиями нового образа жизни.

Усадьба в Куоккала была трёхэтажная с башенкой. Она стояла на высокой песчаной дюне, из окон верхнего этажа был виден Финский залив. У усадьбы было три крыльца с цветным остеклением и одна стеклянная веранда на верхнем этаже. Главная веранда была на южной стороне дома. Она была размером 9,5 x 4,2 метра, главный вход обрамляли красивые гранитные ступени, идущие прямо вдоль улицы.

Высота комнат внизу была более 3 метров, наверху чуть ниже. Всего на вилле было 15 комнат. Кроме того, здесь была большая кухня с великолепной плитой и духовкой для выпечки, много шкафов, коридоров, полок, кладовых и два туалета, а также своего рода ванная комната с ванной, очень уютная. На чердаке был резервуар для воды. В детстве Бабу был действующий водопровод, но, насколько я помню, только внизу, на кухне, где действовал кран и были по крайней мере три раковины. Туалет и ванна не использовались.

Мебель в доме была очень праздничной в стиле того времени, там была мебель из красного дерева, дуба, орешника, множество мягких стульев и диванов. В прихожей было зеркало высотой до самого потолка с нижними шкафами. В доме была дюжина железных кроватей с оригинальным декором, а позже были куплены дополнительные кровати для пансионата. На потолке со стоек свисали декоративные масляные лампы, оконные шторы были во всех комнатах и в углах многих комнат были иконы.

Со слов Бабу, на вилле раньше были красивые ковры и посудные сервизы, но тётя Вера продала некоторые из них до того, как Бабу прибыла в Куоккала, и подсвечники, к сожалению, нашли своих новых владельцев.

Сама усадьба стояла на каменном фундаменте - крепкое здание из бруса, обшитое окрашенной панелью. С внутренней стороны, усадьба была отштукатурена и оклеена обоями, потолки были обшиты панелями и покрашены. Крыша была частично из листового металла, но большая часть была покрыта щепой. Бабу содержала дом в отличном порядке, также как и дом смотрителя и здание сауны, последнее из которых было неокрашенным зданием из бруса. Я помню, когда его выкрасили в красный цвет. Внутри сауна была отремонтирована, парилка и раздевалка были обшиты панелями и выкрашены в белый цвет, окна также были заменены. Позднее мы жили там в течение летних месяцев, когда в усадьбе был расположен пансионат. Здание сауны было переоборудовано так, что у него было два входа, один в раздевалку, откуда можно было войти в парилку, и другой прямо в парилку, которая также использовалась как прачечная. Щепу на крыше усадьбы и доме смотрителя заменили на новую, для изготовления щепы срубили лес с северо-восточной части участка.

Мы втроём научились клеить обои, и каждую весну одна из комнат на усадьбе получала новый вид, клей делался из картофельной муки. Будучи старше меня Юлле уже сам заботился о здании усадьбы и участвовал в обсуждениях планов о её ремонте. Я в довольно молодом возрасте начала заниматься кухонным делом и садом.

Местные жители, финны, по привычке помогали жителям усадьбы при необходимости. С отдельного лесного участка продавали лес, в этом деле помогали, когда Рипатти, когда Вайттинен - сами являющиеся владельцами больших полей и лесов.

Здание смотрителя представляло собой одноэтажный, частично обшитый панелями бревенчатый дом, и под этой же крышей находились конюшня, коровник, сарай для дров и обширное место, где хранили телеги и сани, в которые запрягали лошадей. Когда мы жили в Куоккала круглый год, в двух помещениях был курятник, и в течение пары лет там был коровник. Чуть позже в квартире смотрителя жил сторож усадьбы, и мы провели там пару лет, когда на вилле был пансионат. Последние несколько лет летом мы жили в здании сауны. В тоже время в доме смотрителя круглый год жила семья с пятью детьми. Бабушка из этой семьи несколько лет служила поварихой в семье Бабу в С.-Петербурге до революции.

Первые семь лет моей жизни мы жили в трех комнатах наверху. Окна выходили на юг, так что Финский залив был виден.

Между двух комнат была печь, а в третьей комнате была печь с небольшой плитой, которую в один год перенесли в прихожую. На полпути лестницы была дополнительная дверь, чтобы предотвратить холодный воздух. Другие комнаты не отапливались. В одном из холодных помещений у нас был зимой туалет и погреб.

В темноте можно было увидеть свет прожекторов над Кронштадтом и временами был слышен грохот орудий, звуки выстрелов [вероятно, от учебных стрельб в Кронштадте, прим. пер.], которые доносились в тихую погоду до пограничных районов. Несколько раз близко к нашему берегу прибывало морскую мину, тогда вызывали военных для её обезвреживания. Помню, как полиция рекомендовала открыть все окна направленные в сторону берега, чтобы они не разбились от взрыва. Однажды во время одной из таких операций по обезвреживанию мины погиб один из солдат.

С детства я как-то чувствовала, что Куоккала - это просто временное решение в нашей жизни. Бабу некоторое время верила, что времена коммунизма пройдут, и жизнь в Санкт-Петербурге будет продолжаться почти так же, как раньше. Там же у неё остались мать, две сестры и сестра отца - энергичный доктор. Кроме того, значительная часть имущества семьи осталась за границей. Они переписывались, и Бабу звала мать в Куоккала, а тётя доктор в свою очередь звала Бабу в Петербург, где обещала организовать ей учительское место. Но Бабу, которая уже была знакома с коммунистической властью и знала, что такое обыски на своей собственной шкуре, а так же о том, за что сажали в тюрьму при смене власти, была практически уверена в том, что на восток не стоит двигаться во времена правления коммунистов. Она дала нам понять, что если с ней что-либо случится, какой-либо несчастный случай или что-то в этом роде, то нам с Юлле надо обращаться за помощью на запад, так как

на востоке не было ничего положительного.

Хоть и жили мы не богато, но я всегда чувствовала себя внучкой "Апельсинового короля". Из рассказов Бабу я знала, какой была жизнь в Петербурге до революции. Слышала так же о том, в каком блестящем состоянии был сад в Куоккала. Много чего ещё сохранилось в порядке после того, как всё стало потихоньку разрушаться, когда не стало садовников, смотрителей за домом, поваров, горничных, детских нянь и т.д.

Мы были довольно изолированы зимой среди снегов и тёмных вечеров. До главной дороги, которую расчищали было больше 100 метров пути, а до школы ещё больше. наших ближних соседей с западной стороны не было видно на расстоянии 150 метров из-за снежных заносов.

Там, в небольшом доме жила семья, где было трое детей, скорее всего это была семья бывшего смотрителя усадьбы Геппенер. Все дети были мальчиками, средний из которых был ровесник Юлле, а младший чуть младше меня. У них было несколько коров и огород. Из этого дома нам тоже приносили иногда молоко.

С наступлением темноты вокруг дома не было видно ни одного огонька в соседних домах. Вдоль дороги не было освещения и фонарик или масляная лампа были просто необходимы при передвижении. Помню, как один раз Бабу ушла вечером на собрание учителей в школу и оставила нас с Юлле одних дома. Нам было тогда, кажется, 7 и 5 лет. Мы заскучали по Бабу и спустились вниз. Как помню, Юлле нёс масляную лампу, мы открыли уличную дверь и кричали в темноту, звали Бабу. Тётя Вера к тому времени больше не жила в доме, а помощница была у нас только до полудня, пока Бабу была в школе, поэтому нас страшила темнота и окружающая пустота.

Ближний магазин был в километре от нас, если идти по дороге на запад. Так же рядом была аптека. Сперва магазин принадлежал Анталайненам, а позже это был магазин универсальных товаров Ялмари Пимия, где у нас был открыт банковский счёт. От угла здания аптеки, 0,5 километров в сторону севера, по дороге на железнодорожную станцию, была мастерская сапожника, фотоателье, мясная лавка и пекарня, которая в начале принадлежала Трубе и была одной из их торговых точек. Годами позже, рядом со станцией выстроили большой кооперативный магазин. Почтовое отделение было в здании вокзала и оно действовало в то время, когда приходили поезда из Выборга. Летом почту разносили по адресам, и раскладывали в почтовые ящики, висящие у ворот.

У нас был женский велосипед, колёса которого были немного меньше обычного. Юлле уже в 6 лет ездил на велосипеде в магазин, заодно он отвозил в мясной магазин овощи с нашего огорода. Я тоже научилась ездить на велосипеде в 6 летнем возрасте, но ещё не ездила сама в магазин в таком малом возрасте.

Юлле пошёл в школу в нормальном возрасте, с большой неохотой, надо заметить. Бабу преподавала тогда в этой школе и учителя были в некоторой степени уже знакомы. В какие-то годы там были игровые кружки, но и там Юлле не задерживался. Все три начальных

класса были в одном классе. Я пошла в школу в тот день, когда мне исполнилось 6 лет.

В школу я хотела пойти и раньше, но с директрисой Марией Смирновой было договорено, что я могу идти в школу только с 6 лет. Моей учительницей была жена сына брата Ильи Репина, с которой я была до этого знакома. Директриса школы также была мне знакома. В школе дела шли хорошо, хоть я и побаивалась больших деревенских парней, сидела и ела свою еду дольше обычного.

В Куоккала у нас были как коньки, так и лыжи. Как я помню, на коньках катался лишь Юлле; в нашем саду был искусственный пруд, где можно было покататься. В саду было много горок, с которых можно было кататься на лыжах, но мы, как-то не очень много катались на лыжах; относительно сегодняшнего времени лыжное оснащение было совсем непригодное.

Друзей у нас было не много, с кем можно было поиграть в дошкольном возрасте. Но потом, они всё же появились, например, соседские ребята, а также братья Максимофф, которые ходили в эту же школу. Из девочек была лишь одна, живущая в округе, Люли Ридингер, но и она ходила уже в финскоязычную начальную школу, и мы познакомились немного позже.

Из мест в деревне помню, что мы были в гостях у нашей учительницы, в частности, в доме сына брата Ильи Репина. Его жена была моей первой учительницей. Муж её был очень талантливым и признанным плотником. Он изготавливал и вырезал перила, ножки для дорогой мебели и отправлял заказы на мебельную фабрику в Хельсинки. В доме у учительницы я впервые увидела радио, после чего радио появилось и у нас, но не громкоговорящее, а оборудованное наушниками. Радиопередачи были только из Ленинграда.

Время от времени в школе устраивались праздники, иногда даже приезжал оркестр. На рождественском празднике я впервые прочитала стихотворение в 5 лет. На Рождество у нас гостили семьи знакомых с детьми.

В Куоккала мы не получали газет, так что новостей мы слышали очень мало. Радиопередачи были с востока, иногда Бабу брала почитать у Репиных издания на русском и французском языках, которые, как я помню, были напечатаны во Франции.

Дом в Куоккала в глазах маленькой девочки представлялся огромным замком, порой даже страшил. Днём дверей не закрывали, и в доме можно было незаметно спрятаться при желании, особенно на нижнем этаже, в комнатах тёти Веры, которая к тому времени уже переехала [в Уусикиркко, прим.пер.].

Помню, как не раз на верхнем этаже появлялся молодой человек с коробами, сделанными из досок или фанеры, внутри которых были пуговицы, нитки, иголки, ленты и много всего другого.

Что-то у него иногда и покупали. Ходили такие торговцы и с другим товаром, например, рыбу приносили очищенной до самого верхнего этажа. Летом катил свою тележку с дрожжевым

серым хлебом продавец свежего хлеба. Неприятные торговцы тоже случались, например, во двор могла зайти толпа цыган. Они продавали кружева и одновременно побирались, может и подворовывали что-нибудь.

Однажды в усадьбе побывал настоящий вор. Из двух комнат на нижнем этаже пропали иконы и какой-то ценный подсвечник. Полиция расследовала дело. На мягкой обивке стула остался грязный след от обуви, после того как вор вставал на стул для того, чтобы снять икону. После случившегося стали запирают как можно больше дверей.

Мне было, наверно, 3 года, когда случился невероятный шторм [наводнение и шторм 1924 г., прим. пер.]. Вода поднялась и покрыла всю песчаную часть берега, вплоть до самого сада. Забор вдоль пляжа и цементная дорожка были поломаны, и всевозможный хлам можно было найти на пляже после этого, даже живых рыб. Бабу, и, как мне помнится, тётя Вера водили показать нам эту незабываемую бурю. Были очень большие волны, а ветер был настолько сильным, что было трудно устоять на ногах. Второе, навсегда запомнившееся явление, было весной 1927 года, когда шторм вынес на берег огромные горы льда вдоль всего берега. Мы ходили ползать по этим ледяным горам, у нас есть фотографии с этого события.

Моё знакомство с большим деревенским домом произошло в гостях у Рипатти. У них в хозяйстве было 20 коров, молоко отправлялось ежедневно в Выборг. Также как и у нас, электричества у них не было. У Рипатти я впервые увидела ручной сепаратор, на котором отделяли сливки. Там же увидела маслобойку и огромную деревенскую печь. У Рипатти мы покупали ржаной хлеб, творог и сметану, иногда масло.

Сам участок в Куоккала, тот который под усадьбой, был величиной в 7 гектар, и находился между Финским заливом и основной дорогой, идущей вдоль берега. Около нашего участка, у дороги, был гранитный километровый столб, где, как я помню, были цифры 11 и 7, что означало - 11 километров до Терийоки и 7 километров до Раяйоки. На границах участка, как с восточной, так и с западной стороны до сих пор есть дорога к берегу, где можно проехать на машине. С восточной стороны, во времена моего детства, участок упирался в пустой участок земли, и оттуда дальше, на восток, была школа, в которой Бабу преподавала, а мы с Юлле учились 1-2 года.

Позднее, на этом небольшом участке земли поселился рыбак Лиукконен и выстроил низкий, больше похожий на барак дом. На берегу появились большие рыбацкие лодки и стойки для разбора и сушки сетей и мерёжей [рыболовные снасти-ловушки, верши из ивовых прутьев, прим. пер.]. Иногда мы ходили рано утром на берег, чтобы купить рыбы, пока весь улов не ушёл с утренним поездом в Выборг. Однажды, когда мы были в Хельсинки, этот рыбак Лиукконен выловил тюленя, который жил потом некоторое время у нас в саду в бассейне, построенном из цемента. Оттуда его позже перевезли в зоопарк Коркеасаари.

Сейчас на нашей восточной границе, частично на нашей земле, находится санаторий для больных сердечно-сосудистыми заболеваниями. Со стороны шоссе весь этот "Санаторий Репино" огорожен сплошным забором. С западной стороны этого забора нет, и лишь в конце

участка дощатым забором отделён кусок земли, на котором выстроен впечатляющего вида загородный дом. Этот участок не граничил с берегом. Когда два года назад я приезжала, то заходила в этот дом, чтобы узнать, кто в нём живёт, но ответа на свой вопрос я не получила. Но от людей, которые в это время жили в нашем доме, я узнала, что дом был построен для какого-то профессора. Когда-то я видела на верхнем этаже дома, через окно, расставленные художественные принадлежности, а лет 10-15 назад, когда я приезжала, я слышала доносящиеся из дома прекрасные звуки игры на пианино. Ранее на этом месте было поле и яблоневые деревья, кусты смородины, огород и обычный бревенчатый колодец. На сегодняшний день адрес нашей усадьбы: Приморское шоссе, 394, номер закреплён рядом с центральным входом в дом.

У каждого берегового участка, в северной их части была отделена широкая полоса земли в связи с расширением дороги. Теннисный корт не пострадал, больше взяли со стороны леса, с северо-запада часть поля и вдоль нашего участка проходящую грунтовую дорожку. Старый забор из досок убрали. Вдоль старой просёлочной дорожки из щебня ранее в нашем детстве шла прогулочная грунтовая дорожка для гуляющих вдоль всех участков. Также эту дорожку использовали велосипедисты.

На восточной и западной границе участка были, и сейчас есть, местами прореженные еловые аллеи. В воде, на западной границе участка, остались некоторые фрагменты от каменно-цементного пирса, который построил отец Бабу с нашим соседом с запада - Геппенером для того, чтобы в выходные путешествовать из Петербурга в Куоккала по воде, на поезде путешествовать было скучно и излишне долго. Но первый осенний шторм разбил вдребезги эту мечту.

Мне, Юлле и соседским парнишкам остатки пирса служили местом для рыбалки на удочку. Юлле выходил на рыбалку и на лодке с кем-нибудь из ребят. От нас метров 400 на запад в море впадал ручей. Там было хорошо ловить на удочку мелкую трёх-иглую колюшку (рогатку), которую скармливали курам. Курам, кроме того, свозили на зиму весь к берегу прибитый сухой камыш. Не знаю, что куры с ним делали, но измельченные ракушки они, конечно же, ели.

Нашей семье в Куоккала принадлежало кроме 7 гектар усадебной земли (под участок) и ещё 20 гектар отдельного лесного надела, который находился на севере за железной дорогой, около пяти километров от станции Куоккала. Этот участок леса находился совсем рядом с границей у деревни Тулокас. Я была там пару раз, последний раз с Юлле на велосипедах, наверно мне тогда было лет 15 - на могиле у крёстного дяди в той же самой деревне Тулокас в дошкольном возрасте. В добавок к лесному наделу к нашей собственности относились 3 гектара лугов. Они находились в полукилometре от основного участка, за шоссе на север, и от нас на северо-восток, ближе к тому месту, где раньше была православная церковь. Эти луга, ранее используемые под пастбище, с годами частично заросли лесом. Там росла верба и туда мы ходили по весне за вербочками, иногда спозаранку, пока держит наст. Зимой никакой дороги на луг не было.

В школу, которая была рядом, я ходила лишь один год, по причине её расформирования из-за нехватки средств на её содержание. Учеников разделили, старших определили в школу в

Терийоки, куда из Куоккала шёл поезд. Из младших кого-то отправили в Райвола в интернат, кого-то перевели в финско-язычную начальную школу, а кто-то остался дома продолжать учебный незаконченный процесс.

Учительская работа для Бабу закончилась, но как-то мы прожили следующую зиму. Возможно, пришли деньги из Польши, возможно, были сбережения. В ту зиму Бабу сама учила Юлле, ну и я кое-чему училась заодно. Юлле, будучи 9-летним, старался попасть в русскую среднюю школу в Терийоки, и его в итоге взяли в класс. Директриса школы в Куоккала, после её закрытия, перешла в интернат в Райвола и проработав там год, звала Бабу на место заместителя директора и преподавателем по рисованию и каллиграфии. Юлле был ещё слишком мал, чтобы ездить одному на поезде в школу в Терийоки.

У Бабу больше не было рабочего места в Куоккала и, кроме этого, тоскливо было проводить зиму в большой усадьбе, среди снегов и без малейшей помощи, в доме с дровяным отоплением и с неработающим водопроводом, магазины были далеко, где-то за снежными заносами. Помощницы в то время уже у нас не было. И тогда было принято решение переехать в Райвола. Кур продали, как и все продовольственные запасы, сделанные на зиму, такие как: солёные огурцы, бобы и ягоды. Продали так же наколотые дрова. Помню, как один мужчина пришёл с тележкой, в которую был запряжён осёл и забрал бочку солёных огурцов. Дрова забрал кто-то другой. Сторожить дом пообещал сосед, который жил с западной стороны.

Юлле так и не проучился ни одного дня в средней школе в Терийоки, так как мы переехали в Райвола. Для меня и для Юлле этот переход в учебный интернат значил многое в нашей жизни. Мы оказались в толпе учеников, состоящей из 50-ти человек разного возраста, где были дети от семи до пятнадцати лет. Юлле не умел драться, несмотря на воспитание Бабу, а я боялась больших парней. Понадобилось много времени, пока я решила сесть рядом с большими парнями в столовой. В начале мне было очень трудно, я плохо выговаривала букву "р", которая была в начале моего имени. К счастью, мне была знакома директриса школы ещё со времён в Куоккала, да и сама Бабу была в надёжной близости.

Юлле там пошёл учиться в 1 класс средней школы, мне же не нашлось подходящего класса. Мне было 7 лет, и я уже проучилась один год в школе в Куоккала. Тогда в Райвола не сформировалось второго класса подготовительной школы. Таким образом, соответственно возрасту я попала в 1 класс. Учителя в Райвола были очень опытные. В средней школе преподавали немецкий, французский и финский языки, но не было шведского языка. Часть учеников не жила в интернате, а жили у себя дома вблизи Райвола. Так или иначе, большую часть учеников составляли дети, чьи дома находились в районах других близлежащих муниципалитетов. Из Куоккала тоже были дети, в их числе крёстный Аниты - Ниило Коутеро, тогда ещё Коля Клиндер. Он был классом старше Юлле, очень способный мальчик, но и он не умел драться. Оба брата Максимофф учились там тоже. Так же среди нас были дети-сироты, которые и на время каникул оставались в интернате. На время летних каникул в школе оставалась повар, с ней вместе был сын, а также кто-либо из директрис была на месте.

При интернате был большой сад, немного сельскохозяйственных угодий, плюс корова и несколько поросят.

Сторож, он же дворник, топил дом дровами, в здании было электричество. Учащиеся тоже немного принимали участие в работах по хозяйству. Мальчики носили воду на верхние этажи в умывальные комнаты. Девочки подметали в комнатах, но классы не убрали. В саду особых работ не было и на кухне не надо было помогать. Посуду мы мыли прямо в столовой. Маленькие девочки также участвовали во всех работах посменно. Спали в четырёх больших комнатах, двухъярусных кроватей не было. Раз в неделю ходили в сауну, до которой было около полукилометра пути. В мороз, с замерзшими волосами, было как-то не очень хорошо, но ближе подходящей сауны не было.

От здания общежития до средней школы было 200 метров. В день было только два похода до школы и обратно, вечером уроки делали тоже в здании школы. Среди учеников были вредные мальчишки, которые время от времени устраивали в школе полную темноту путём короткого замыкания, используя для этого ножницы или просто гвоздь. Делалось это, чтобы оттянуть время. По дороге в школу, хоть туда и рекомендовалось ходить парами, случались драки, а зимой бывало "летали" комки снега. Ученики подготовительные классов оставались учиться в здании общежития. В свободное время были организованы игровые и певческие кружки. Весной играли в мяч, а летом занимались греблей на лодках.

Интернат находился в пяти километрах от станции Райвола (Роцино), между дорогой, ведущей на Кивеннапа и речкой. С дороги интернат был хорошо виден, двухэтажное некрашенное здание из бруса посреди поляны, на участке в несколько гектар было сравнительно мало деревьев. С трёх сторон он был ограждён забором, с четвёртой стороны границей была река. Со стороны шоссе начинались обширные леса и болота, туда было легко зайти, а вот найти дорогу обратно было тяжелее. Осенью всё-таки ходили туда за брусникой и горькушками. Иногда ходили в церковь. Православная церковь была со стороны этой же дороги в 2-3-х километрах по направлению к железнодорожной станции.

Уже после того, как я освоилась в Райвола, я почувствовала, что нахожусь как-бы на особом положении. Всегда, когда хотела, я могла пойти в кабинет к Бабу, чтобы побыть в тишине. К тому же мы с Юлле всегда могли взять из холодного шкафа Бабу то яблоки, то пирожные Трубе. Перед сном нам доставался стакан молока, когда другие пили чай. В моём классе было много хороших девочек, и я многому научилась в большом коллективе. Радио в Райвола не было.

Первый раз я увидела кино в 8-летнем возрасте в Райвола. Бабу полагался летний отпуск полтора месяца, который мы проводили конечно же в Куоккала. В это лето (1930) мы заболели ветряной оспой. Этим же летом мы поехали на поезде в Выборг, где мне удалили под наркозом гланды и аденоиды. В Выборге я в первый раз проехала на трамвае.

Как помнится, мне было 6 лет, когда мы были на старом Валааме. На поезде проехали мимо Выборга до Сортавала и оттуда на корабле до монастыря. На обратном пути побывали в монастыре на острове Коневец, откуда мы через Кякисалми приехали домой. В Уусикиркко, в гостях у семьи вон Шталь я была лишь раз. Тогда я встретила с моими двоюродными сестрой и братом Ксенией и Александром, которые были много старше меня. Младшей двоюродной сестры Евгении, как я помню, не было тогда на месте. Тётя Вера тоже отсутствовала. Когда муж тётки Веры умер, она переехала из Куоккала в Уусикиркко и забрала

с собой из одной из гостиных комнат пианино с мыслью о том, что будет давать уроки игры на пианино. Хотя было соглашено, что это пианино Бабу; у тётки Веры было своё из Петербурга. Бабу думала, что Юлле в будущем будет учиться игре на пианино. Так это пианино и не отдали обратно. Позже мы пытались перевезти это пианино в Хельсинки. В результате пианино было уничтожено в ходе войны, сгорело, как и сама усадьба в Уусикиркко. Юлле удостоверился в этом сам, побывав на месте в 1942 году.

Иногда мы ездили на поезде в Терийоки, когда я была ещё в дошкольном возрасте. Путь длился около 15 минут. Вдоль центральной улицы Терийоки было много разных магазинов. Всё же помню такие как: строительный магазин, магазин тканей и кондитерскую Трубе. В Терийоки мы приезжали на приём к врачу и зубному врачу; у Юлле удаляли как-то молочный зуб. Контора Национального акционерного банка находилась так же в Терийоки, где Бабу вела дела, когда мы жили в Куоккала. Из Польши приходили регулярно деньги, которые обменивались на финские деньги в том банке. В то время, когда мы жили в Райвола, Бабу откладывал зарплату на будущее; в Райвола мы жили на полном содержании.

Из детских лет помню многократные поездки в Раяйоки. Сперва собирали еду и питьё в корзину для пикника, а затем только отправлялись. Шли долго вдоль берега, иногда делали остановки. В современных Дюнах у Бабу была знакомая семья Венедиктовых, к которым было принято заходить в гости.

По дороге Бабу часто рассказывала, как в молодости они с сестрой и учительницей немецкого так же гуляли в тех местах, и под одной старой сосной закопали бутылку, в которой было письмо с самыми заветными желаниями. Обратно из Раяйоки мы шли вдоль берега моря. Путь был около 5-ти километров, иногда садились и отдыхали, а когда шли, то напевали: "Мы идём, мы идём, мы идём, ура..." [это немецкая песенка номер 28 из сборника "[Baltischer Liederkrantz](#)", изданного в Таллинне в 1898 г., прим. пер.].

Бабу знала наизусть многие стихи Пушкина, эти стихи до сих пор звучат у меня в ушах. Хоть Бабу и не была особой певицей, но нам она пела даже оперные арии. В детстве она время от времени бывала с родителями в театрах и опере. Была всё же недовольна тем, что предпочтение отдавали старшим сёстрам. Как в театрах, так и в опере у их семьи была отдельная ложа. Когда Бабу училась в университете, в их программе была русская литература, наверняка ей надо было знать произведения Пушкина, а также Лермонтова, Достоевского и т.д.

Бабу вела переписку со своими родственниками в Ленинграде, особенно с тётушкой-врачём. Она присылала нам с Юлле детские журналы. В один год пришла посылка, где было льняное нижнее бельё для Юлле и для меня.

В один год к нам приходила домашняя швея, которая оставалась у нас на несколько дней жить на верхнем этаже. Тогда ещё тётя Вера жила у нас. В Куоккала было по-крайней мере две швеи. Одна - госпожа Боткина, которая жила за железной дорогой, другая - госпожа Токой, жившая несколько ближе. Первая из них шила верхнюю одежду, зимние пальто и куртки, а госпожа Токой в свою очередь шила платья, мне она шила ещё когда я ходила в

среднюю школу.

В Райвола мы были ещё один год. Сперва я ходила во второй класс, но когда пришло известие о том, что и эту школу закрывают, то некоторых учеников, и меня в их числе, перевели в третий класс. Потом весной я получила аттестат, в котором читалось, что я переведена в 1-й класс средней школы [прим. пер.: там учились 5 лет, а затем лицей, это старая система образования в Финляндии]. Средние школы были тогда в Терийоки и Выборге. Юлле тогда учился уже во втором классе и получил аттестат с переводом в третий класс средней школы.

Дом художника Ильи Репина был примерно в одном километре от нас. Нам с Юлле была предоставлена честь быть среди приглашённых на день рождения или именины сына дочери художника, где мы сидели за знаменитым вращающимся столом.

Дочь Репина с семьёй проживала постоянно во Франции и приехала навестить пожилого художника. Во время празднования 85-ти летия Репина я была только в саду, поскольку не была приглашена официально; на праздновании было невероятное количество гостей. На похоронах Репина, осенью 1930 года, я не была, Бабу приехала тогда с Юлле из Райвола, как я помню.

В интернат регулярно приезжал доктор из Выборга. В неотложных случаях принимал земской врач из Терийоки или Кивеннапа. Я заразилась скарлатиной от внуков Репина и по распоряжению того времени, для меня открыли эпидемиологическое отделение в больнице Кивеннапа в деревне Ахиярви. Райвола относилась к округу Кивеннапа. Доктор приехал к Бабу в интернат и стоя на пороге сказал слово "скарлатина", и Бабу поняла, что у меня скарлатина. У меня была самая высокая температура за всю мою жизнь, 40,0 C, невозможно болело горло и была сыпь на коже. Бабу заранее уже знала диагноз, она предполагала распространение этого заболевания, потому что у внуков Репина скарлатина уже была до их приезда в Финляндию. Больницей служила дачка на две комнаты. В начале медсестру было сразу не найти и Бабу отвечала за всё сама. Комнаты надо было топить, ходить за продуктами и водой и ухаживать за больным. Чтобы инфекция не распространялась, Бабу ни с кем не контактировала. Где-то на улице, в договоренном месте, оставлялись покупки по составленному списку. Молодой доктор ежедневно приходил справляться о моём здоровье и приносил необходимое лекарство. Я рисовала доктора и он вежливо брал мои рисунки с собой. Когда самое страшное миновало и нашлась медсестра, Бабу уехала обратно в Райвола, а я осталась изучать финский язык. Там я услышала первый раз рождественскую песню на финском языке, которую пела медсестра. Думаю, что медсестра понимала и по-русски. Мне было хорошо в этой маленькой больнице, но новых пациентов так и не прибыло. Я находилась там по распоряжению того времени 6 недель. Перед возвращением в Райвола меня тщательно намыли щёткой в деревянной шайке, и, насколько я помню, все мои игрушки, которые были со мной в больнице, обработали раствором формалина. Несмотря на все предосторожности, Юлле всё-таки заразился от меня и отправился мне на смену в больницу на 6 недель. Но, по какой-то причине его отправил в Терийоки, и там ему не было так одиноко как мне в моей больнице. Корью и коклюшем мы переболели позже.

Мы были уже тогда в Хельсинки. Эти заболевания шли одно за другим с апреля по май, и в эту весну мы получили разрешение от ректора начать летние каникулы с середины мая.

Однажды совершили поход из Райвола в Лиственичную рощу, заодно побывали в Ваммельсуу на Могиле любви.

Заранее зная, что периоду жизни в Райвола продолжения больше не будет, Бабу принимает довольно-таки смелое решение по тем дням. Переехать не в Выборг, который был самым близким к Куоккала, и в который переселялись один за другим эмигранты, но который не был университетским городом, а в Хельсинки. Таким вот образом Бабу приняла решение переехать в столицу. Она не знала финского языка, но усердно взялась за шведский ещё в Райвола. Очевидно она полагала, что в Хельсинки можно обойтись, говоря на немецком, или французском, а иногда и на русском языках, но летом, до переезда в Хельсинки, она взяла несколько уроков финского языка в Куоккала. Несмотря на трудности, она решила дать нам образование в Финляндии и в финскоязычной школе. С приграничья в Хельсинки переехала какая-то семья, за советом обращались к ним. Первоначально это была семья Пуустинен, а также дочери Хянинена, которые начали обучение в Хельсинки.

В августе 1931 года мы прибыли в Хельсинки. Хоть в Куоккала у нас и было много всякой мебели и другого добра, Бабу взяла с собой лишь легко переносимые вещи и предметы, занимающие как можно меньше места. В самом начале мы останавливались у Пуустинен на Касарминкату. В то время было много предложений по квартирам в аренду, и вскоре у нас уже было своё жильё на улице Кулмакату. Школа находилась в те времена на улице Хейкинкату, 8. Сегодня это улица Маннергейминтие, и никакой школы в доме номер 8 больше нет. Для Бабу было важно, чтобы я лучше научилась русскому письму, и поэтому она решила меня отдать в русскоязычную школу Табунова. Ректором школы было решено, что я уже достаточно подхожу для 5 класса начальной школы. Юлле пошёл в находящийся этажом выше Хельсингский финско-язычный частный лицей. В его аттестате было записано, что он готов к переводу в 3-й класс средней школы, но он никогда ещё не учил шведского и с финским языком были некоторые трудности, отчего решено было, что он пойдёт во 2-ой класс. Который и был для него по возрасту подходящим уровнем, тогда осенью Юлле ещё было 11 лет.

Я была самой младшей ученицей в классе, и во многих знаниях и навыках были большие пробелы. Ручной труд для меня был новым предметом, в то время как другие ученики занимались этим уже третий год.

На уроках финского языка были небольшие сложности, другим ученикам преподавали этот предмет уже также третий год. К счастью, я справилась с этим заданием на удивление неплохо, хотя до сих пор в географии у меня большие пробелы; например, я так для себя и не выяснила, что означают тропик Козерога и тропик Рака.

Следующее лето мы провели, конечно же, в Куоккала, занимаясь, в том числе, садом и огородом. Этим летом у нас на нижнем этаже усадьбы жила семья из Хельсинки, проводя летний отпуск.

Осенью я пошла сперва в начальную школу в шестой класс, но, пробыв в том классе всего пару недель, я перешла этажом выше, в ту же самую школу, что и Юлле. Бабу выяснила, что после шестого класса начальной школы надо было всё равно идти в первый класс средней школы, что означало, что терялся целый год.

Переехав в Хельсинки, мы вступили в скауты. Юлле не особо участвовал в скаутских слётах, тогда как я более увлечённо участвовала во всём. Наш отряд носил имя Следопыты, где девочки были отдельно и мальчики отдельно. Отряды находились в подчинении Свободной Скаутовской группы. Важным по значимости слёт был в Виерумяки. Это был международный слёт для мальчиков и девочек. В то же время было открытие спортивного училища в Виерумяки, это был 1935 год. Я приехала на слёт одна из Куоккала и одна же вернулась, чтобы продолжить летний отдых на каникулах. Отряды возвращались в основном в Лахти и Хельсинки. В Эстонии, в устье реки Нарва, был слёт из нескольких отрядов мальчиков и девочек. Одновременно мы успели ознакомиться с достопримечательностями Таллинна. Незабываемым остались два ознакомительных похода, которые мы, скауты, совершили на Старый Валаам. Там мы не жили в палатках, а нас поселили в дом для гостей, правда, слишком много человек в одну комнату; кровати были очень жёсткими - это я помню. Мы питались в монастырский столовой той же пищей, что и монахи монастыря. На небольшом корабле и лодках мы передвигались от монастыря к другим островам. Довольно много раз участвовали в службе. В большой церкви стены были празднично убраны, и звон церковных колоколов не так просто забыть. Юлле так же участвовал в заключительном пути, проехав на велосипеде от Куоккала через Кююрёла с одним другом-однолеткой. - Проводником на Валааме был очень дружелюбный монах - отец Памва, он похоронен на кладбище Нового Валаама.

Значок Маннергейма мне дали в 15 лет [это была высокая честь и признание заслуг, значок вручался только тем скаутам, которые были ответственны и активны в скаутском движении, прим. пер.]. Этот значок мне вручил сам маршал Маннергейм, а прикрепил руководитель Свободной Скаутской группы профессор Свен Доннер. В другой раз я пожала руку маршалу Маннергейму намного позже, когда ему исполнилось 70 лет. Я вручала ему букет роз от имени нашего отряда у него дома в Кайвопуйсто.

Полностью самостоятельно организованный слёт нашего отряда был лишь раз. Это был рядом с Хельсинки в Лангвике, и так случилось, что я была руководителем этого слёта. Из скаутской жизни запоминающимися моментами были конечно же парады, а потом, во время зимних каникул зимние слёты. На парадах я часто была знаменосцем.

В школьное время проблем со свободным временем не было. В школе кружков, как таковых, не было. Но, после школы всегда находились девочки, подружки из класса, с которыми можно было пойти погулять на ближних улицах, а то и до самой Эспланады. В воскресные дни часто ходили со скаутами в походы, и время от времени один русскоязычный клуб устраивал мероприятия для детей и молодёжи; на этих мероприятиях всегда была интересная программа, а также пели песни. В возрасте постарше я вместе с членами отряда составляла план программы проведения мероприятий и отвечала за организацию работы буфета. В конце всегда был час танцев, так что я освоила этот навык уже в молодости, не

посещая танцевальной школы.

Хоть в Хельсинки у нас всегда было туго с деньгами, я всё-таки ходила всегда на хорошие фильмы в первую очередь, иногда в оперу, а также на концерты в Сибелиус Академию.

Три зимы подряд я нанималась помощницей в цветочный магазин на время Рождества. Моей основной работой было развозить заказанные цветы по адресам. Заодно я узнала город. Цветочный магазин был на улице Миконкату и основная часть заказных цветов шла в районы Каивопуйсто, Эйра и Круунунхака. Обычно в цветочном магазине таких помощников было несколько на время рождественских праздников. Иногда я даже упаковывала и продавала цветы. Рабочих дней было 2-3 перед Рождеством и иногда также перед Новым годом. В то время было довольно много таких развозчиков цветов. Юлле и многие мои знакомые таким образом зарабатывали себе карманные деньги. Владелец магазина цветов оплачивал рабочий день, а у тех, кто цветы получал, было правилом давать чаевые.

На этой работе, я боялась, что встречу по дороге кого-нибудь из одноклассников, я не очень гордилась этой работой. Может быть, уже в лицее у меня была работа получше. Тогда я работала помощником продавца в предрождественское время в промтоварном магазине; на финском, а если надо, то и на шведском языках я продавала посуду, вазы, кастрюли и т.д. В добавок я научилась упаковывать товары из стекла. Это был частный магазинчик, он был маленький, с одним витринным окном и одной комнатой на улице Ээрикинкату. Там была приятная обстановка.

Перехав в Хельсинки, Бабу недолго работала заместителем учителя в русскоязычной школе. К тому же она давала уроки французского языка, скорее всего разговорного. В один из годов она снова работала на фабрике Карл Фазер, разрисовывая рождественские и пасхальные украшения для упаковок с шоколадом и марципаном. Эту работу она делала с удовольствием, красками разрисовывая лицо у Йоулупукки [финского Деда Мороза, прим. пер.] или хвост петушку, в этом деле она была мастерица.

У одной знакомой семьи было ателье по производству акварелей и цветных карандашей, которые покупала компания Валистус и поставляла потом в школы. Бабу наклеивала бумажные этикетки, оборачивая их вокруг карандашей. Я тоже делала эту работу на дому, по тысяче карандашей в одной партии. В одной коробке было всегда карандаши одного цвета. Работа шла быстро, стоило только начать, почти играючи. Юлле не наклеивал этикетки, он развозил готовые коробки. Будучи лицеистом, Юлле давал уроки математики для учеников младших классов; в Куоккала он занимался с одним отстающим. Из Польши деньги всё ещё приходили, не помню в какой валюте, но Бабу ходила их обменивать в банк КОП на улице Алексантеринкату.

Из увлечений Юлле надо отметить, что в Райвола он научился играть на балалайке и мандалине. В Куоккала, перед отъездом в Хельсинки, он ходил на уроки игры на скрипке. Переехав в столицу, он вскоре вступил в Хельсингский оркестр балалаечников и участвовал в концертах. Уроки скрипки он продолжил потом в лицее, в народной консерватории и уже потом позже, время от времени. В какой-то период времени, в лицее, Юлле ходил на

фехтование.

Об увлечениях Бабу, можно смело отметить, что её влекло искусство. Она посещала художественные выставки, в шведском народном училище занималась керамикой.

В добавок, она всячески пыталась выучить финский и шведский языки. Шведский было, конечно же, легче выучить, если взять во внимание то, что Бабу выучила немецкий ещё дома, в детском возрасте, у неё была гувернантка "Фройляйн". Не знаю, было ли помощью в учёбе то, что Бабу владела ещё и французским языком. В возрасте 16-18 лет, две зимы подряд, она с сестрой была в Швейцарии в школе-интернате. Там говорили только на французском языке. На польском Бабу говорила сносно, но особой помощи от него точно не было. Конечным итогом в учёбе было то, что она выучила шведский настолько хорошо, что могла смотреть представления, читать газеты и научные тексты. Кроме этого, она довольно много читала книг, взятых в библиотеке. Финский язык, несмотря на все старания, остался на слабом уровне. Бабу утверждала, что благодаря тому, что в детстве она выучила латынь, то, к примеру, во время путешествий итальянский ей казался более понятным, чем финский язык; это она признала сама к своему стыду.

В школьное время мы с Юлле читали очень много библиотечных книг, так что порой уроки оставались не выполненными. В Куоккала, в одной комнате стена была заставлена тесно набитыми книжными полками. Библиотека переехала к нам после того, как закрыли школу в Куоккала. Летом там было можно взять книги, как в библиотеке. Она была полностью на русском языке и читатели приходили довольно редко. Из них помню только Колю Клиндер/Ниило Коутеро; он был усердным читателем.

Зимой и в школьное время я чувствовала себя как будто взаперти, но с приходом лета ощущала себя не меньше как владелицей усадьбы, тогда наставала атмосфера внучки "апельсинового короля". В Куоккала весь мир вокруг казался просторным и ждали летние увлечения.

В Хельсинки мы всегда жили почти в центре, в школу я ходила пешком. После улицы Кулмакату мы жили на верхнем этаже красивого дома на углу улиц Эспланады и Клуувикату. Мы снимали жильё у семьи Хяннинен, часть их достаточно большой квартиры, которая у них была в аренде, и Бабу на тот момент нуждалась в поддержке, безопасности и в хорошем совете. Семья Хяннинен переехала в Хельсинки на два года раньше, чтобы дать детям образование. В последующие годы я жила на улице Ууденмаанкату 26 и 36, а так же на улице Лапинлахденкату 1. Последний раз мы проживали на улице Меримиехенкату 26. Причиной частой смены жилья было главным образом то, что предложений по жилью было очень много.

Когда на лето мы уезжали в Куоккала на три месяца, нашу немногочисленную мебель и другие предметы мы сдавали на хранение на какой-нибудь недорогой склад, таким образом мы экономили на оплате за аренду. Осенью жильё снова находилось с лёгкостью, правда в первые дни после приезда мы жили у знакомых.

Наша усадьба была желаемым местом аренды в летнее время. От сдачи в аренду был

хороший доход, хотя было, конечно же, беспокойно. Два года подряд там был пансионат с полным уходом госпожи Кати из Хельсинки. Она привезла с собой нехватаяющие кухонные и сервировочные принадлежности, посуду и обслуживающий персонал. Затем, в течение 2-3-х лет наша усадьба была летним филиалом организации Лотта Свард. Лишь отдыхающие жили у нас, питаться они ходили в столовую, принадлежащую Лоттам, которая была в 200 метрах от нас на территории усадьбы, находящейся в частной собственности Лотта Свард, где кухня была отремонтирована и модернизирована. У Лотт была ещё и третья усадьба, по соседству с предыдущей. Обе усадьбы были владениями бывших эмигрантов, которые государство национализировало. Последние два года перед войной нашу усадьбу снимала семья Колстер из Хельсинки, у которых была с собой прислуга и всё остальное необходимое. В их семье был мальчик Оке, уже начавший учиться [вероятно, в университете, прим. пер.] после окончания школы, с которым Юлле играл в теннис.

В крокет мы играли постоянно, но вот теннисный корт "расцвёл" вновь, когда Юлле было 12 лет. Вместе с другими мальчиками Юлле расчистил корт от слоя опавших листьев, земли и новой поросли. На задних границах корта натянули сетку рабицу, на земле провели краской границы корта вместо старых деревянных и на половине пути нашли старую, хорошо сохранившуюся сетку и распорки. Вдоль корта стен из сетки не было и мячи легко улетали в лес. На окраине корта поставили скамейки, которые пользовались успехом у зрителей; игроки иногда ждали своей очереди. Сам корт имел глиняную/сланцевую почву и был, возможно, лучшим кортом в Куоккала. Юлле стал сдавать корт по цене 5 марок в час. Я тоже часто играла. В начале у нас были теннисные ракетки, оставшиеся со времён молодости Бабу, но новые мячи было купить необходимо. В конце года организовали настоящее общество - Теннисное общество Куоккала - и проводили соревнования. Иногда Юлле играл в Терийоки и ездил туда смотреть соревнования.

По воскресеньям ездили смотреть матчи футбольной команды Куоккалан Рая-Вейкот. В одну из таких поездок я познакомилась получше с нашей соседкой Лидией Ридингер - единственной девочкой моего возраста. Предки этой девочки владели большими участками земли на территории Куоккала ещё задолго до того, как отец Бабу поселился в Куоккала. Помню, как мы с Бабу по дороге на станцию зашли в гости к одной пожилой даме, которая всё ещё жила в большой старинной усадьбе, скорее всего это была бабушка Лидии. В то время с этой дамой вместе проживала одна из её дочерей. Она собиралась замуж за пограничника по имени Мутта. Вторая её дочь, мать Лидии, умерла при родах. Сперва Лидию растила бабушка, потом она переехала в семью её тётки, где она была как родная дочь. Несмотря на это, её фамилия осталась Ридингер. В семье тётки родились два сына, младший из которых утонул, будучи совсем маленьким. Второй погиб очень молодым во время Зимней войны. Отец же мальчиков погиб во время Войны-продолжения, вдова проживала потом в доме для бывших Лотт в Хельсинки. Их сын Вейкко был намного младше Юлле, но они с Лидией приходили к нам летом играть и участвовали во всех детских развлечениях. В компанию входили и братья Максимофф, их дядя Конрад, который учился в немецкой школе в Хельсинки, а также две сестры Майер из Оллила.

В то время в Куоккала было много опустевших усадеб, где были выбиты окна и двери не были запорты. Одна из таких усадеб находилась рядом с домом Вейкко и Лидии. Туда мы

могли забраться всей компанией и играть в прятки. Мы были уже почти в подростковом возрасте. Рядом была игровая площадка, где можно было поиграть в мяч.

Как-то летом, в одной из семей появился проигрыватель пластинок, переносной граммофон, в таком переносном чемоданчике. Тогда мы начали учиться танцевать. В конце августа, когда жители пансионата уже разъехались, почему-то обычно на верхнем этаже, в одной из освободившихся комнат нашей усадьбы устраивался танцевальный зал. У каждого из нас в нашей компании были свои работы и обязанности по дому, по этому собирались мы обычно к вечеру.

Ягоды мы собирали обычно на своих участках. Землянику всё же было лучше собирать со стороны Рипатти, а чернику на пирог мы присмотрели вблизи теннисного корта. Лесной малины было очень много, к тому же на участке оставалось много кустов смородины ещё с прошлых времён. Рядом с западной границей участка росли яблони, но яблок на них практически не было. Грибы, в основном белые и сыроежки, собирали и сушили.

В Куоккала у нас был хороший погреб для хранения льда, добытый и распиленный на заливе лёд туда привозили зимой на лошадах. Хозяйка пансионата требовала, чтобы погреб для хранения льда был всегда в полном порядке. В Хельсинки у нас погреба не было, не говоря уже о холодильнике. Мой первый в жизни холодильник появился, когда мы жили на Пихляятие в 1952 году.

Бывало очень большой компанией мы ходили на пляж купаться. Те, кто умел плавать, всегда хотели доплыть до больших камней, до них было не дойти пешком по мелководью. Этих камней было два, первый камень находился рядом с участком семьи Максимофф, а второй у казино Куоккала. В нашей компании не было слишком способных пловцов и ныряльщиков, но всё-таки каждый из нас умел плавать.

В то время у детей были велосипеды, но, по большей части велосипеды взрослых моделей. Мы совершали велопоходы до монастыря в Линтула и в Вammelсуу. Реже ездили в сторону Раяйоки, это направление нас интересовало меньше. Юлле тоже приобрёл себе велосипед, на котором он несколько раз проехал от Хельсинки до Куоккала, ночуя по дороге в сараях для сена. На дорогу ушло трое суток.

В какое-то время на верху больших ворот была закреплена вывеска "Мерилинна" (Морская крепость). Это название было скорее всего для гостей пансионата. Кстати, настоящее, старое название участка было "Ксенино", названное так в честь имени матери Бабу.

Приблизительно в 1934 году государство проводило осушение канав, был прорыт широкий ров вдоль всех береговых участков. Это привело к строительству мостов у обочин дорог.

Архиепископ православной церкви Александр посетил Куоккала в 1936 году. Он остановился у нас в усадьбе - красивее места было не найти. Мосты надо было укрепить для автомобильного движения. В усадьбе были накрыты столы по случаю визита православных гостей из Куоккала и Кююрёля, у нас была возможность поучаствовать тоже. В церкви

Куоккала я была в дошкольном возрасте, один раз я присутствовала на ночной службе на Пасху. Бабу ходила довольно редко в церковь, я ходила чаще, чем Юлле, именно уже в Хельсинки.

Участок в Куоккала сейчас очень зарос лесом. Раньше полосы земли на западе и северо-западе были лугами и пашнями, а фермер, живший на западе, косил там траву для коров. А два лета подряд на пастбище пасся конь изготовителя мороженого.

Плату за это не брали, но было договор, что когда появлялась лошадиная повозка продавца мороженого, нам с Юлле оно полагалось бесплатно. Продавец мороженого был молодой человек, его мама это самое мороженое готовила, а он проезжал вдоль песчаного берега, прямо рядом с водой и выкрикивал: "Мороженое, мороженое!" Второй молодой человек, у которого мы могли получить мороженое, был у футбольного стадиона во время матчей. В глазах друзей мы были в завидном положении, по-моему мы важничали.

В те лета, когда Летний дом Лотта Свьярд находился так же в нашей усадьбе, было договорено, что несколько раз нас приглашали на летние воскресные ужины к соседям. Бабу была всегда с нами, а также председатель местной организации Лотта Свьярд. Так директор Летнего дома просто сидела с нами за столом. Это была женщина средних лет, владеющая русским языком - Хилма Инкинен. Мы чувствовали себя очень важными, а Мерилинна заслужила себе положенную репутацию. Да, это на самом деле была самая красивая усадьба в Куоккала, с цементными ступенями и фонтанами.

В конце последнего столетия Куоккала была значимым местом для проведения летнего отдыха, в основном среди жителей Петербурга. Железнодорожное сообщение между Выборгом и Петербургом было очень оживлённым. Вдоль шоссе и береговой полосы Финского залива тянулись поселения петербуржцев. Жилые дома финнов и их сельхозугодия находились вдали от берега, частично за железнодорожным полотном в сторону севера. Когда границы закрылись, одни из усадеб остались на другой стороне, а часть была перевезена своими владельцами. Часть их осталась стоять опустевшими и бесхозными, ожидая своей ближайшей участи. Потихоньку начали приезжать новые жители, сперва из Выборга, а затем и издалека, именно на лето. Некоторые усадьбы были выстроены вновь. После этого пришла и очередь государства, оно изымало нежилые усадьбы из прав владения и перепродавало желающим. Таким образом часть усадеб с башенками были разобраны и перевезены в другие места в Финляндии, подальше от границы.

Зимой Куоккала была очень тихой деревней. Кто-то из эмигрантов жил там круглогодично, но молодое поколение перебиралось в Выборг, Хельсинки и ещё куда-нибудь в поисках образования или заработка.

Райвола, по-моему, была тоже практически русской деревней. Деревню кормила коробочная фабрика [выпускала картонные упаковки, в основном, для папирос, прим. пер.] с русскими владельцами и старый лесопильный завод. Вокруг этих заводов были русскоязычные поселения и магазины. Здание православной церкви в Райвола было довольно большим.

В Терийоки, по-моему, были и постоянные жители на территориях между железной дорогой и дорогой вдоль берега. Местность между дорогой и берегом там была, также как и в Куоккала, во владении жителей, приехавших из Петербурга. Там были тоже красивые усадьбы. Сама песчаная полоса земли не была ни в чьём частном владении. Вдоль берега можно было свободно гулять, загорать, держать на берегу лодки и т.д. Кабинки для переодевания могли быть, однако, только на общественных пляжах, например рядом с пляжем у Казино. Их нельзя было устанавливать на частной территории. У частных земель перед пляжем начиналась изгородь.

Летом в Казино устраивались многочисленные праздники. В Юханнус [день летнего солнцестояния (или Ивана Купалы), прим.пер.] был большой костёр, играл оркестр гражданской обороны, для чего была построена настоящая сцена. Я была лишь раз на танцах в Казино, когда завершился сезон игр Теннисного общества Куоккала.

Как в Зимнюю, так и в Войну-продолжение, дома и строения в Куоккала в большей части сохранились. На территории Терийоки разрушений в ходе этих войн были намного больше.

Из финно-язычных постоянных жителей Куоккала я помню следующих: Рипатти, Порвали, Костийнен, Пимия и служивший в погранвойсках Пайю.

Точно не знаю года, когда отец Бабу приобрёл участок земли в Куоккала, но знаю, что в одной из рекламных брошюр о путешествиях от 1894 года, была карта, где было обозначено имя отца Бабу на этом участке земли. Бабу рассказывала, что до Куоккала, когда она была совсем маленькая, их семья проводила лето на другой стороне Финского залива, скорее всего загородный дом снимали в аренду. Или же, если это был собственный дом, то его впоследствии продали.

При возведении "Ксенино" пользовались услугами архитекторов и садоводов. К купленной вместе с участком земли усадьбе пристроили восточное крыло. С территорий Черноземья привозили вагонами землю и затем высадили лиственные деревья и декоративный кустарник. Вокруг участка были проложены дорожки, которые вели к берегу – нижняя аллея и грунтовая дорожка шириной больше чем в метр. Беседка выросла на холме в юго-восточном углу участка. В западной стороне была впечатляющего вида теплица на каменном фундаменте, под одной крышей находился так же кегельбан. Всё это ещё было во времена моего детства. Мы ходили в детстве попробовать на вес мяч для игры в кегли, а также пытались сбить кегли.

Необычной и впечатляющей была, по моему мнению, бетонная лестница, спускающаяся из южной части усадьбы и ведущая в нижнюю часть долины, где она заканчивалась бетонным постаментом, на котором стояли две бетонные скамьи. От постаментов лестница раздваивалась и вела дальше вниз. Одни из ступеней вели к фонтану. Наверху, рядом с домом, были декоративные высокие перила, которые продолжались по обе стороны лестницы. На старых фотографиях это ещё можно было видеть, в сегодняшние дни это лишь плачевные обломки.

Отец Бабу был особенно увлечён источниками и колодцами. Путешествуя за границей, он ознакомился с делом, пробовал воду на вкус, изучал устройство построения колодцев. Так, на участке было четыре обыкновенных колодца в виде невысокого сруба, скорее всего для полива сада. В нижней долине был глубокий колодец с каркасом из гранитного камня, из него доносилось громкое эхо. Его края поднимались высоко и ребёнку туда было невозможно упасть. Но через край всё же можно было крикнуть, и в ответ доносилось глухое эхо. К этим колодцам в добавок около сауны стоял высокий колодец из круглых цементных колец, вода в который поднималась по трубе вверх из самой глубины. Это был артезианский источник, вода которого текла из крана круглый год. Он был сообщён с прямоугольной бетонной раковиной, борта которой были примерно 60 см в высоту, она была предназначена для полоскания белья. Вода туда поступала из вышеупомянутого колодца по трубе, в которой был кран. По рассказам Бабу, бельё полоскали всё-таки в Финском заливе. Лошадь, запряжённая в телегу, заходила в воду и бельё полоскали в бельевых корзинах прямо с телеги. Помощников тогда для этого хватало.

Второй артезианский источник был за домом смотрителя, рядом с садом. Он действовал круглогодично под действием напора. Рядом был искусственный пруд, скорее всего для полива растений в саду. Третий, и самый значимый колодец находился в 40 метрах от усадьбы на юго-востоке. Он так же был артезианским источником, действовал круглый год, и вода в нём была прозрачная и необыкновенно хорошая на вкус. К колодезным постройкам относилось наземное машинное отделение. На его верху, на четырёх ногах стояла металлическая конструкция, напоминающая мельницу, на верху которой было из того же металла сделанные крылья. Если голова не кружилась, то на эту конструкцию можно было взобраться, для этого к одной из ног была пристроена лестница. Кроме этого, рядом, под землёй, был довольно внушительного вида мотор, защищённый крышкой. В моё время крылья никогда не вращались, не было слышно звука мотора, в баки для воды на чердаке вода не поступала, но из колодезного крана текла всегда.

Предположительно, в какой-то системе труб под давлением скапливалась вода, по крайней мере на нижних этажах и на большой кухне была вода; наверно на месте был родник. В Куоккала электричества не было. Во времена пансионата, кто-то из специалистов пытался выяснить причину, так как хотели, чтобы на верхних этажах и в санузлах была вода.

В восточной части усадьбы был внушительных размеров дровяник, и если вдоль холма идти ещё метров 40, то во времена моего детства на том месте была "Студия" Бабу. Где-то в 1914 - 1915 годах Бабу получила от отца деньги и разрешение на строительство художественного ателье. Оно осталось недостроенным. В нём не было ни окон, ни дверей, лишь прорубленные проходы в многокомнатном каркасе сруба на каменном фундаменте. Позже Бабу продала этот сруб, до того, как брёвна могли сгнить, но фундамент до сих пор на месте. На этой территории сейчас общежитие, принадлежащее санаторию.

Теплица с кегельбаном обвалилась во время одного сильного грозового шторма, но, возможно, фундамент можно ещё отыскать на этой территории.

До начала войны, кроме Репина в Куоккала проживали, видимо, и другие довольно известные граждане. В наше время там жила вдова композитора Скрябина, чья дочь была замужем за генералом Ненонен. Была ещё вдова Лаппо-Данилевская, она так же относилась к музыкальному сообществу. Жили художники и их родственники, кроме Ильи Репина, как например Георг Светлик, который будучи молодым человеком, писал морские пейзажи в Куоккала.

Продолжу дальше про учёбу. В начале учиться в финно-язычной школе в Хельсинки было немного трудновато. В школе всё-таки учились и дети других эмигрантов, я была не единственным случаем. В особенности, написание сочинений было сложным в начале, но грамматику я знала лучше и даже победила весь класс, будучи ещё в первом классе. С математикой у меня никогда не было трудностей в школе, и с языками справлялась, надо было лишь не лениться пополнять словарный запас. В школе я училась ровно и с ленцой, выполняла только ответственно письменные задания. У меня всегда было чем заняться, так что другие предметы я учила только к экзаменам, которые я успешно сдавала, несмотря на моё участие и отношение к предмету на уроках.

Бабу пыталась научить нас немецкому и французскому языкам ещё с малых лет, разговаривая с нами о простых вещах на этих языках, но мы так и не начали разговаривать на этих языках. По-крайней мере в Райвола этого нельзя было сделать.

В период средней школы, когда я была в 3-м классе, Бабу пришло в голову перевести нас в немецкую школу. Я ходила с Бабу на встречу с директором школы. Она сказала, что готова принять нас в школу, если мы будем готовы перейти на класс ступенью ниже. Услышав это, Бабу оставила это предприятие. Но всё же она не забывала указать на то, как важно знать как можно больше иностранных языков, в чём была несомненно права.

Юлле закончил лицей в 1938 году и пошёл летом на работу, готовясь для поступления в Технический университет. Мы получили гражданство Финляндии 2.9.1938 года. Необходимую клятву Бабу давала на шведском языке. Бабу боялась, что Юлле не поступит в Технический университет, если у нас не будет гражданства Финляндии. Второй причиной подачи заявления на финляндское гражданство было то, что государство стало брать под свою опеку усадьбы на Карельском перешейке у эмигрантов, которые не могли подтвердить, что являются владельцами, и не имели гражданства Финляндии. Таких заброшенных, практически опустевших, красивых "кружевных" усадебных домов был много. После национализации, государство продавало их желающим покупателям.

Летом 1938 года для меня разрешилась некоторая проблема, которая с детских времён была для меня загадкой. Вопрос стоял об отце. Я научилась писать ещё в дошкольном возрасте и всегда должна была писать небольшие письма на Рождество и Пасху отцу, который жил в Польше и присылал нам деньги и подарки на Рождество, среди всего прочего Юлле он подарил скрипку. От этого отца не было никакой фотографии и он нам, детям, не писал никогда в Куоккала и долго ещё после этого. Со слов Бабу этим отцом был инженер Гаевский. С другой стороны, когда мы пошли в школу в Хельсинки, надо было велено говорить, что отец умер. Позже, из писем Бабу стало ясным, что они развелись в 1924 году. Когда жили в

Хельсинки, этим образом отца, проживающим в Польше, было принято считать г-на Вилчинского [[Jan Zygmunt Wilczynski](#)], профессора биологии. Объяснения разницы в именах и образованиях я никогда не получила. В период подачи на гражданство Финляндии, в документах было официально составленное в юридической конторе свидетельство на английском языке, подтверждающее, что инженер Гаевский умер, как мне помнится, в 1921 году.

На мою жизнь эта путаница никак не повлияла. В уже упомянутом 1938 году появился в Хельсинки, образно говоря, отец, о котором есть снимки в альбоме. Мне было тогда 16 лет.

Несмотря на мои усилия, я не получила никакого ответа на то, как можно было объяснить эти две фамилии Гаевский и Вилчинский. Этот отец сказал, что Бабу расскажет тогда, когда посчитает это нужным, но это так и не было сделано. Позже, этот отец очень старался поддерживать переписку с нами в Финляндии, особенно когда выехал из Польши. В Финляндии он был всего один раз. На основе его присланных позже писем я отдельно составила воспоминания о различных периодах его жизни. Профессор Ян Сигизмунд Вилчинский пробыл в Финляндии около недели. Бабу не хотела, что бы он был у нас на квартире, где мы жили, на Меримиехенкату. В это лето у нас была снята летняя дача на острове Тарво [в Хельсинки, прим. пер.]. Насколько я помню, Юлле был часть лета на практике, на заводе Стрёмберга в Питяянмяки. Он жил тогда в Тарво целую неделю и наш отец тоже. Бабу и я каждый день ходили туда на ознакомительные прогулки. Помню, как Вилчинский предложил Юлле продолжить учёбу в Польше. Он договорился бы с польским посольством о том, что он бы выслал Юлле деньги на учёбу. Это бы обязывало Юлле учить польский язык. Этого отца я больше не видела, но Юлле, во время поездок в Германию и Италию назначал с ним встречи и они виделись где-то в 50-х годах.

В последнем классе лицея двери школы отворялись с началом сентября. Но под угрозой военных действий, они потом закрылись и для всех мужчин или правильно сказать, для всех граждан Финляндии, начались военные учения или время УН [УН – от финского «ylimääräinen harjoitus» или «ylimääräiset kertausharjoitukset» - начало перемещения войск на позиции]. Иначе, настала осень 1939 года. Будучи скаутом, я спросила о волонтерской работе и была направлена в Государственный информационный центр на улице Касарминкату, в здании «Савой», на последнем этаже. Местонахождение нашего работодателя было в гостинице Кямп. Среди нас было много молодёжи и мы занимались тем, что размножали и рассылали в разные газеты Финляндии специально предназначенные и специально составленные информационным центром тексты. На печатной машинке пропечатывали текст с названием газеты с адресом, листовку клали в конверт, а в угол конверта вместо марки ставили какую-то печать. Время от времени ставили печать "Секретно". Однажды, возвращалась по работе в одном такси с Мика Валтари [известный финский писатель, прим. пер.] до отеля Кямп, помогая ему перевозить печатную машинку.

В какой-то период школы вновь открылись и начали занятия. Как-то не верилось, что война всё-таки начнётся. Однако, в последний день ноября, на первом уроке прозвучала воздушная тревога. Наш учитель Ю. Лайне отпустил тогда всех учеников по домам.

Уже потом днём, я видела из окна дома несколько бомбардировщиков, приближающихся к Хельсинки со стороны моря. Мы жили тогда на улице Меримиехенкату, на третьем этаже с окнами на юг. Я даже видела, как из самолётов падали бомбы, и только потом прозвучала сирена, явно с опозданием. В тот раз одна из бомб попала в Технический университет. Вечером я ходила смотреть на результат вражеских подвигов. Конечно же эти бомбы попали и во многие другие места, жертвы были среди гражданского населения, женщин и детей.

Когда началась война, неизбежно изменилась и наша жизнь. Вечером и ночью не было света уличных фонарей, ни в одном окне не должно быть света, необходимо было полное затемнение. Фонарики можно было использовать на улице, но с очень слабым освещением и затемнёнными какой-либо цветной бумагой. Из мешков с песком были сооружены осколочные заграждения, в том числе около входов в парадные. Подвалы домов так же служили защитой от осколков бомб, но от прямого попадания могло спасти бомбоубежище, которые были только в некоторых домах. По разным сторонам Хельсинки были устроены настоящие бомбоубежища, но их вовсе не хватало.

Мама хотела вывезти нас из Хельсинки и когда предоставилась возможность, мы бежали в Пакинкюля [сейчас этот район называется Пакила и является частью Хельсинки, прим. пер.]. В то время это была абсолютная деревенская идиллия по сравнению с нашим жильём, поблизости был берег и судостроительная верфь. В Пакинкюля жила одна семья, знакомая нам со времён Куоккала, туда мы и переехали с Бабу на некоторое время. У них был молочный магазин и туда я с полной отдачей пошла на работу, в помощницы к их старшей дочери. Там в эвакуации мы пробыли что-то около двух недель, а затем мы переехали в Варкауc, куда приехал и Юлле. Бабу хотела отправиться даже в Швецию, так ей ни в коем случае не хотелось попасть в подчинение к Советскому Союзу, а такая участь могла бы ждать Финляндию безусловно. В Варкауcе жила семья инженера Воелкер. В их семье была дочь, моя ровесница, они вместе с матерью жили много раз летом в Куоккала. Одни зимние каникулы мы провели вместе с Юлле у них. Соня, их дочь, была владелицей этого самого проигрывателя для пластинок, который мы так часто слушали в Куоккала. Итак, мы отправились в Варкауc, когда нам предоставилась возможность уехать из столицы.

Бабу помогала матери Сони по хозяйству в доме и составляла ей компанию. Я, в свою очередь, старалась научить Соню немецкому и математике. Соня была младше на три класса, и у неё были трудности с окончанием средней школы и получением аттестата. Отец Сони был на высокой должности на заводе Ахлстрёма. С Бабу он часто разговаривал на немецком языке. Юлле был в Варкауcе непродолжительное время. Из-за учёбы у него была отсрочена служба в армии, а сейчас его призвали на учебные сборы в Хямеенлинну. В эту зиму были очень сильные морозы и я заболела воспалением лёгких, которое случилось скорее всего из-за того, что я каталась в морозы на лыжах. Пенициллина в те времена ещё не было и выздоровление длилось долго; как-то ночью я даже потеряла сознание. Будучи в Варкауcе, я успевала позаниматься математикой перед выпускными экзаменами и перевести старые задания по переводу с немецкого.

Когда война в марте закончилась, мы почти сразу отправились в Хельсинки. Школы не сразу

открылись, но ученикам выпускных классов организовывали по возможности подготовительные уроки, экзамены были тоже проведены. Большая часть мальчиков на них так и не явилось. В связи со сложившейся обстановкой в эту весну экзамены больше не проводились, только в конце мая почти всем ученикам последних классов выдали выпускной аттестат.

"Пенкинпайнаясет" (просиживание скамьи) - традиционный праздник выпускников лицеев и праздничные катания в этот год, конечно же, не устраивались. В конце мая вручение аттестатов проходило при малом количестве народа. Как я помню, на празднике не было других классов, лишь учителя и родители выпускников. Праздник устроили в старом ресторане Алппила, который находился на территории парка Эляйнтаарха [финск. Eläintarha] и возложили на могилы розы. Аттестат успеваемости остался в нашем классе на низком уровне. Оценки в нём нам выставили практически по результатам прошлой весны, когда оценку специально оставляли низкой, чтобы дать понять ученику, что за лето он должен подучить слабые места.

Получив выпускной аттестат, я окончательно поняла, что в Куоккала возврата больше нет, так как она осталась по ту сторону границы. По объявлению в газете я нашла себе работу в Клауккала, в фермерском доме. Я устроилась учителем немецкого и шведского на дому для девочки, которая осталась на второй год и не перешла в 4-й класс. До этого я оставила заявление со своим именем на подходящую работу в бюро по трудоустройству. Случилось так, что дом фермера, куда я устроилась, не был хорошим местом по причине, что в той семье употребляли алкоголь. Через две недели я уволилась и вернулась домой. После этого начался интересный период в моей жизни.

Через бюро трудоустройства меня взяли на работу домашнего учителя в поместье Сееста. Там жили дети двух семей Эрнрут, которым надо было преподавать финский язык. Во время войны они были в школе в Швеции, а уже осенью у них была возможность продолжить учёбу в Финляндии. В одной из семей старшая девочка собиралась поступать в школу домашнего хозяйства и у неё были очевидные трудности с умением считать. У неё уже был аттестат о среднем образовании, но без оценки по математике.

В поместье Сееста у меня, кроме возможности преподавать, была возможность играть в теннис. Я пыталась научиться верховой езде, ходила за грибами, ходила на танцы с дочерью хозяев, туда мы ездили на лошадиной повозке. Мальчики в семье были очень смышлёные, 14-ти, 10-ти и 9-ти лет. Жена горного советника Элла руководила поместьем вместе с управляющим, садовником и с помощью многочисленной прислуги. Отцы семейств: вице-судья Карл Йохан Эрнрут и управляющий банком Гёран Эрнрут бывали в поместье в выходные дни. Матери семейств были всегда дома, одна из них была дочерью брата Маннергейма, другая была из рода фон Юлин. В начале я немного волновалась о том, как всё получится, но в итоге, я очень хорошо освоилась с положением дел и наслаждалась жизнью, даже работа не была в тягость.

В начале я думала, что пойду изучать языки, но отнесла своё заявление в Технический университет; рассматриваемыми вариантами были факультеты химии и архитектурный. На

всякий случай, осенью я пошла в университет на дополнительные лекции по математике и физике. По этим предметам не пришлось пройти всю программу полностью в последний год учёбы в лицее. Юлле тоже поступил в Технический университет в 1938 году, что и заставило меня, возможно, попытаться поступить туда же, или же просто-напросто я любила математические предметы. Общее мнение Бабу по этому поводу было таким, что необходимо было выбрать настолько хорошую профессию, по которой мог бы работать в любой стране мира; языки необходимо знать помимо профессии.

На лекциях в университете я встретила одного своего одноклассника, который сказал, что будет пытаться поступить на врача и поэтому ходил на лекции по химии и зоологии. Он убеждал меня поступить так же.

В ту осень 1940 года в Технический университет набирали студентов меньше обычного, по той причине, что поступившие в прошлую осень остались из-за войны в самом начале учебного года. Как я помню, поступивших было всего 70 человек, и я не была в их числе. По этой причине я осталась в университете на факультете естественных наук и математики, и вступила в большую группу студентов, проходящих курс естественных наук; их было больше 300 человек. Для поступления на медицинский факультет необходимо было сначала сдать курс по естественным наукам - физику, химию, зоологию - хотя бы на удовлетворительно. По всем этим предметам должны были быть лабораторные работы с описаниями и отчётами. В темы по химии входили качественный и количественный методы анализа, органическая химия, лабораторные работы и сам экзамен по всем этим темам. По мнению Юлле, по физике спрашивали больше, чем положено в технических университетах, в программе была атомная физика, а также все работы и сам экзамен. По зоологии были отдельные лекции, работы и экзамен. В добавок, необходимо было сдать экзамен (pro exercitio) на каком-нибудь иностранном языке, обычно на немецком. На всю эту программу ушло как минимум 3 семестра. И только сдав все эти экзамены можно было поступать на медицинский факультет на врача или зубного врача.

В первый год я совмещала учёбу с работой в семье Эрнрут, проверяя домашние задания, в основном в семье Карла Йохана Эрнрута, следя за успеваемостью Георга и Карла. Луиза, сестра мальчиков, была в эту зиму в школе домашних хозяек в Хинтхаара. Родители детей развелись, мать была болезненной женщиной, а отец в частых разъездах. Георг (в будущем, среди всего прочего, председатель Партии правых либералов) уже в то время был прилежным и толковым парнем, обладал хорошим даром речи, был активен в дискуссиях. Карл же не был настолько одарён, но был очень благодушным, доброжелательным и старательный учеником. В семье Гёрана Эрнрута я бывала реже, обычно перед экзаменами, моим учеником был только Казимир Эрнрут (в будущем управляющий концерна Кумтене Оу). Эта семья не была настолько интересной, как семья предыдущая. Семьи проживали на улице Этеляранта, в доме принадлежащем их роду, так же там проживала и жена горного советника Элла Эрнрут.

Во время учёбы везде надо было ждать своей очереди. Из-за войны, два разных года рождения стремились в одном направлении вперёд. В какой-то момент я пошла на курсы машинописи, но эта затея меня не вдохновила.

Весной 1941 года я вступила в организацию Лотта Свард и закончила курс лотты-медсестры. Юлле хотел придумать нам какую-то новую фамилию, служить в армии и учиться с фамилией Гаевский было не просто по его мнению. Итак, мы трое, Бабу, Юлле и я получили новую фамилию Теванто. Это была «закрытая» фамилия, других таких однофамильцев не должно было быть. День смены фамилии 3.3.1941.

Летом 1941 года я работала в Солдатской аптеке. Не помню, как туда устроилась. Аптека была "подпольной", хоть и находилась в центре на Южной Эспланаде, рядом с углом улицы Унионинкату, вдобавок вход со двора был замаскирован. Мне приходилось делать мази и растворы, ведь курс лекций по химии, качественный и количественный анализ я уже прошла в университете. Работа была интересной, но я помню только один раствор - малахитовый зелёный. Как его можно было использовать в военное время? Когда началась война-продолжение, эта аптека была переведена куда-то в сельскую местность, куда я решила не ехать.

Снова начались бомбардировки Хельсинки и мы с Бабу были некоторое время в эвакуации в Леппяваара. Юлле был в начале войны на практике на заводе Энсо. В конце лета я работала снова в поместье Сееста домашним учителем и составляла компанию Луизе. Мы участвовали в работах в тылу, выпекая "фанеру" (сухие хлебцы) для отправки на фронт. Мальчики из поместья усердно трудились вместе с нами. Управляющий давал им с утра наряд работ на день. Ребята помогали в уборке сена и зерновых, развозили по полям на лошади колья для сена и ухаживали за лошадьми. Им платили за работу.

С тех времён у меня сохранилось много фотографий. Осенью 1941 года школы и высшие учебные заведения так и не открылись, в учёбе наступил промежуток в один год. В поместье Сееста я оставалась до октября. Зима в тот год настала рано, обратно из поместья я уезжала, когда там уже ездили на санях.

Когда в газете я увидела объявление о наборе на работу в отдел канцелярии в военную часть в восточной Карелии, то я отправилась заявить о своей готовности приступить к работе, а когда я упомянула о том, что владею русским языком, то меня сразу вызвали на место. Я представляла, что попаду за пределы госграницы, но работодателем было Военное управление Восточной Карелии, которое базировалось ещё тогда в Йоенсуу и в народном училище в Ниитюлахти. Туда я прибыла в ноябре 1941 года.

В начале я была в подчинении медчасти и печатала на машинке. Но, когда меня перевели в Йоенсуу, у меня, к счастью, появилось много работы поинтересней. Петрозаводск, по-фински Äänislinna/Яянислинна (Онежская крепость), был уже тогда взят и военные трофеи перевозились в Йоенсуу. Были книги на русском языке, колхозные журналы, карты и много других материалов для обработки.

С помощью них я, под руководством одного старательного работника по статистике, выясняла то одно, то другое. В начале, я проживала с тремя девушками в одной комнате в общежитии, где также останавливались военнотружущие, прибывшие из Германии. Позже я

снимала жильё в квартире директора банка КОП, которая находилась в самом здании банка, вход был через входную дверь банка. Нас было там двое, но в любом случае, условия проживания были не из лучших.

Война понемногу продолжалась и в итоге обстановка на фронте стабилизировалась. Военное руководство Восточной Карелии переместилось в Петрозаводск и в июне 1942 года я прибыла на завоёванные территории для ознакомления со своей задачей и к тому же ещё в совсем другую окружающую среду. Работа оставалась в общем прежней, хоть и в одном большом коллективе, занимающимся той же самой работой, в так называемой Конторе Хуттунена.

Сам Петрозаводск находился на красивом берегу Онежского озера. В войну он конечно же казался мрачным. Там были концентрационные лагеря для оставшегося на территории гражданского населения. С теми, кто говорил по-карельски, обращались лучше. Им разрешено было жить в своих домах. Завоеватели основывали школы и даже церкви. Появились пункты медицинского обслуживания, магазины, а также почта и банк, таким образом в Петрозаводске и его окрестностях жизнь начала входить в цивилизованное русло. В выходные члены нашей конторы смогли выезжать в окрестные деревни. На грузовиках мы выезжали в деревни и собирали там оставшиеся книги и другие материалы из заброшенных домов. Некоторые деревни были совсем заброшены, так как их жители бежали от войны или же были перемещены в концлагеря. В этих поездках мы заезжали также в православные церкви, где шли службы.

Однажды мы поплыли на корабле на один из островов в Онежском озере за грибами. Добровольные работы по заготовке дров входили в летнюю программу. На лесные работы мы не попали, но пилили и кололи дрова из поленьев и брёвен, выброшенных на берега Онеги. Луиза Эрнрут одолжила мне один из своих велосипедов, их у неё было два, и на этом велосипеде я разъезжала всегда и везде. Соседкой по комнате у меня была Мартта Бюяске (в последующем Пиханурми, а в замужестве Нюлунд), крёстная Аниты. Её родиной была Питкяранта, и она была православная.

В Петрозаводске были различные мероприятия: праздничные концерты, театральные вечера, кино и т.д.

У меня появилось много знакомых и друзей. В то лето я встретила своего будущего мужа Эйно, который был в офицерском составе нашей конторы.

Осенью 1942 года война продолжилась. На фронтах всё-таки было спокойно и они остановились на своих позициях. В тылу открылись вузы, и именно девушки-студенты взялись за продолжение учёбы. Таким образом и я отправилась в Хельсинки, мне было необходимо закончить курс естественных наук до конца. Мне оставалось, кажется, работа по органической химии и все три окончательных экзамена. Да, это была задача не из лёгких, но я с ней справилась и получила право поступать на медицинский факультет стоматологии вместе с тридцатью другими студентами. В этой группе было всего 5 девушек выпускниц лица с 1940 года, остальные были с 1938 и 1939 годов выпуска.

Следующей задачей было получить степень бакалавра в стоматологии, на что было необходимо два семестра. В предметах первой стояла анатомия и работы по исследованию строения головы. Затем, физиология и работы по ней, бактериология, дерматология, фармакология, заболевания внутренних органов. Осень прошла в учёбе, а также и весна 1943 года, летом надо было уже выходить опять на работу. Осенью в вузе требовали свидетельство о том, что летом ты не бездельничала.

Я вернулась в Петрозаводск в знакомый коллектив и к знакомой работе. Этим летом я ездила к Юлле в Кархумяки, а также была в Олонце. Когда я работала в Петрозаводске, у женщин в конторе был официальный рабочий день с перерывом на обед в середине дня. Летом 1943 года, когда мы жили в так называемом доме профессора, то поесть ходили в здание управления несколько раз в день, оно находилось рядом с рынком. В свободное время и по выходным у каждого была возможность для занятий по душе. Я вступила в спортивное общество Петрозаводских теннисистов и кроме обычных игр участвовала также один раз в соревнованиях. Участников было не много, я получила в одиночной(парной) игре среди женщин второе место и книгу " Живущим в Олонце". Участвовала также в занятиях самодеятельного театра. Выступала на открытых подмостках в парке с показом отрывка из пьесы "Сон в летнюю ночь". Моя роль была Королева Амазонок. Однажды, на каком-то празднике, мне пришлось выступать в солдатской форме и солдатских сапогах. Я должна была станцевать русский танец, партнёршей по танцу была Таня, жена викария Каристе, в будущем, госпожа профессор Смедс.

На Юханнус всё руководство военного центра, военное управление Восточной Карелии, отправилось к водопаду Кивач, который находится к северу от Петрозаводска, в сторону Кондопоги, и, на сколько я знаю, до сегодняшнего дня остаётся в превосходном природном состоянии известным туристическим объектом. Из того путешествия я помню, что по дороге видела какой-то большой праздник на площади, во время которого местным вручали их новые, на финский переведённые фамилии.

Во время рабочей командировки в Олонец моей задачей было узнать, какие названия местное население использует для разных частей города. Мы с Марттой продвигались вдоль берега реки, от дома к дому, отмечая на карте полученные ответы. В следующем наряде мне надо было узнать, что в семьях выращивали, как хранили, чем питались, как существовали, какие рабочие места были на лесопилках, какие были рыбацкие артели и т.д. Все эти данные я заносила в специально составленные формы. В начале часть населения относилась слегка отрицательно ко всему этому делу, но как правило ответы я получала. Когда такого типа наряды были в не очень безопасных районах, меня сопровождал офицер, это был Эйно - мой будущий муж. С опросом от дома к дому я ходила сама, так как присутствие офицера могло раздражать местных и отвечать на вопросы очевидно было бы затруднительно.

В профессорском доме мы жили с девушками в трёхкомнатной квартире с кухней, я всё ещё с Марттой в одной комнате, вместе нас было 5-6 человек в одной квартире. Те, кто жили постоянно в нашей квартире, завели новые знакомства с местными жителями, преобладали дружба и желание помочь. Всегда, когда хотелось чего-нибудь испечь, мы собирали в столовой хлебцы, их нечёткие, толстые куски. Их набиралось приличное количество, когда 5-6 девушек брали за два раза питания пару лишних кусочков. Мартта говорила по-карельски,

я в свою очередь по-русски, таким образом мы могли уже идти к новым знакомым с целью обмена, иногда на велосипеде, а иногда пешком. У нас обычно получалось добыть молока и яиц, мука, видимо, у нас была своя. Такой обмен был среди местного населения запрещён, но возможно у них было недостаточно хлеба или они скармливали хлебцы домашним животным. Обе стороны были довольны.

Во владение штаба достался участок культивированной земли одного колхоза. Эту землю наделяли небольшими полосками по 1-2 ара желающим заняться земледелием.

Тяжёлая работа по обработке земли была выполнена с помощью лошадиной силы, а посадкой, прополкой, прореживанием, поливом и т.д. каждый мог заниматься когда хотел. У нас с Марттой была такая полоска земли, Мартта была в этом деле главная. Не раз вечерами приходилось ходить на полосу, а позже летом уже чтобы собрать урожай. В личном составе нашей конторы был профессор, капитан Хейкки Ярнефельт, которому мы приносили салат с нашего участка по его желанию.

Разведывательное отделение, к которому я относилась, было по составу очень ярким и интересным. В нашей группе было много индивидуальных личностей, профессоров, будущих профессоров, докторов и исследователей. Военными как таковыми они не были, и никак не захватчиками, простые учёные, любознательные мужчины и женщины, зачастую владеющие русским языком.

Осенью 1943 года ворота знаний снова открылись для нас, и я отправилась в Хельсинки готовиться к экзаменам, чтобы стать бакалавром стоматологии, и, как я помню, у меня были ещё лекции. Сертификат бакалавра стоматологии я получила в начале 1944. Следующий этап была сама зубоветеринарная клиника, но никто из нас не попал туда для продолжения. В то время и даже ещё раньше в это направление уже образовалась очередь. О дальнейшей учёбе было ничего не известно, каждый должен был себя как-то трудоустроить, бездельничать тогда было запрещено.

На этот раз я устроилась в отделение полевой почты в Маткаселкя, кажется, пятое Отделение полевой почты. Это было военное время и действовала цензура. Режим секретности писем не было, но некоторые письма просматривались и некоторые неподходящие моменты в них цензурировались путём вырезания или затушёвывания текста из письма. Я должна была просматривать главным образом русскоязычную почту с завоёванных территорий, но и финско-язычную тоже приходилось читать.

Работа была интересной, но условия проживания и так далее были плохими. Мы жили в бараке, в комнате на 4-х человек. Я получила доверие быть какого-то рода медицинской сестрой/лоттой, лекарственные препараты всего отделения были доверены мне.

После Ваппу/Первомай мне наскучило просматривать письма и я перевелась обратно в Петрозаводск на свою бывшую интересную работу.

В то лето советский Союз явно решил задействовать весь оружейный запас в действие, дабы

изгнать захватчиков со своей земли, не жалея своего же населения. Тогда пришлось как немцам, так и финнам познать настоящее военное пекло.

Отступление было довольно скорым, сперва на Карельском перешейке, а затем перед Йоханнусом, оно уже началось по всем фронтам.

Всем женщинам нашего отдела были выданы, как я помню, 18.6.1944, литеры (военный купон на бесплатную поездку в или из военной части) и другие необходимые документы для проезда в Финляндию, и нас призывали к скорейшему отправлению как только это станет возможным, так как железнодорожное сообщение могло скоро прекратиться полностью. Я отправилась в путь ранним утром следующего дня. Уезжать было необходимо, хоть мы и договорились с Эйно, что у нас будет помолвка в Петрозаводске на Йоханнус 23.6., мы были уже знакомы два года. Жених мой был до этого в Хельсинки на сдаче экзаменов. И так вышло, что когда мой жених приехал в Петрозаводск, то он обнаружил, что его невеста уехала несколько часов назад. Вероятно, наши поезда пересеклись в пути на территории Восточной Карелии. Мой путь в Хельсинки был дольше обычного. Предыдущий поезд бомбили где-то около Элисенваара и сообщение вперёд было прекращено. Наш поезд стоял около 10-ти часов, как я помню, в Симола. К счастью, нас хоть не бомбили. Поезд был полон женщин и детей, часть из них были карелы, которые пытались въехать в Финляндию. В ожидании продолжения пути многим, конечно же, хотелось пить и есть. Помню, что с одной из лотт мы бегали в один из рядом стоящих с железной дорогой домов просить молока для детей.

В конце концов, прибыв в Хельсинки в целостности и сохранности, дома меня ждал сюрприз. Мой жених придумал, как нам быть с помолвкой. Меня ждало письмо, кольцо и подарок для невесты, которые он организовал и отправил срочной доставкой из Петрозаводска в Йоенсуу, а оттуда почтой до Хельсинки. И так случилось, что мы надели кольца одновременно в 18.00 на кануне Йоханнуса, но в разных местах, даже в разных государствах, я в присутствии Бабу с фотографией моего жениха передо мной, а мой жених перед моей фотографией в зоне военных действий. Он был тогда в решающий момент в кабине грузовика, перемещающегося в новое место базирования, и надел кольцо, держа перед собой фото невесты, в присутствии водителя.

Большая часть нашего отдела получило распределение в Миккели, только несколько молодых людей, в том числе и Эйно, отправились туда, где шли сдерживающие бои.

В Хельсинки, ещё во время хода военных действий, я взялась за поиски подходящего распределения по медицинской специализации, большая часть моих сокурсников, бакалавров стоматологии, трудилось тогда в больницах. Банк крови при Красном Кресте искал рабочего персонал, указывая на мощный потенциал работодателя, так я отправилась в Пори на разлив крови по ёмкостям. В нашем отделе работали: одна медсестра, два бакалавра стоматологии и две Лотты-медсестры. В действительности, мы работали в различных учебных учреждениях, иногда выезжали в разные населённые пункты, в особенности на заводы, где делали забор крови и набирали новых доноров. Кровь транспортировали поездом, который ходил по определенным дням недели в Вааса, в солдатский госпиталь.

Осталось недосказанным, что до поступления на факультет, во время ожидания результатов, я некоторое время работала в Хельсинки в Центральной военной поликлинике на улице Аннанкату в качестве Лотты-медсестры. Кроме основного отделения, в здании находилась смотровая поликлиника для солдат после больничного отпуска, для осмотра перед отправкой обратно в части. Я была своего рода секретарём врача, записывая истории болезней. Конечно же, мне приходилось участвовать во всём, в смене постельного белья и во всём, на что укажет старшая медсестра. Я определяла скорость осадка эритроцитов, количество красных телец, под микроскопом подсчитывала количество яиц ленточного червя, и также научилась брать утренние анализы [так называемый “тестовый завтрак”, когда у пациента через некоторое время после обычного завтра с помощью вводимой трубки анализировалось кислотность (рН) желудка, прим. пер.]. Так в Банке крови, кроме разлива по ёмкостям были и другие поручения, с которыми я удачно справлялась.

В конце августа 1944 года, я узнала, что Университетская Стоматологическая клиника начинает вновь работу. Было решено набрать 2 группы по 30 человек студентов, из их очереди, для продолжения учёбы. Курс А состоял из бакалавров, давно поступивших когда-то, и курс Б состоял из вновь поступивших бакалавров, к которым я относилась и которые стали бакалаврами стоматологии позже.

Когда война закончилась и Финляндия должна была передать Советскому Союзу среди всего прочего территорию Порккала, студентов организовывали на помощь жителям Порккала в эвакуации и в сборе урожая. В этой операции участвовал и наш курс, мы копали картофель. Нас на грузовике привезли на место работы. Как я помню, мы были там всего один день.

Этап учёбы в стоматологической клинике длился обычно 4 семестра. Были лекции и работа с пациентами, а в конце заключительные экзамены. Были определены минимальные количества по удалению зубов, постановке пломб, перепломбировке каналов зуба, зубов на штифтах, зубных протезов и т.д. Для бакалавра все эти задания должны были выполнены и одобрены, прежде чем он приступит к началу самостоятельной дипломной работы, в конце которой были выпускные экзамены.

Дополнительно, на хирургическом отделении надо было наблюдать за ходом операции, проводимой профессором и затем написать по наблюдениям отчёт. Исправлений прикуса было несчётное количество, рентгеновские снимки делались ассистентами, бакалаврами лишь несколько раз за время обучения.

Стоматологическая клиника находилась в то время на улице Фабианинкату, приём был в кабинетах, в каждом из которых было по 30 кресел, свободного места было достаточно и всё было в хорошем состоянии. В работе применяли бормашину с ножным приводом. У каждого была своя бормашина и самому же за ней приходилось ухаживать, что бы лишней раз она не издавала лишнего шума, а то мимо проходящий профессор или ассистент мог отчитать за это. Мой рабочий день был довольно долгим. Утром были лекции, а в 9.00 утра на проходной карточке в клинику надо было уже иметь штамп. Днём тоже надо было проштамповать, а вечерний штамп должен был быть после 18.00. Проходные карточки кто-то

всё же проверял, так как замечания по поводу отсутствия на месте кто-то получал больше, а кто-то меньше.

Выпускные экзамены были устными, два из них были даже у профессора на дому в составе небольшой группы. Экзамен по протезированию был в стоматологической клинике и туда я пошла совсем одна. Вместе с выпускными экзаменами я сдавала зачёт по родному языку. На тему, заданную профессором какой-либо кафедры надо было представить три научных доклада, к которым ты готовился на дому на основе предоставленной литературы, а затем, был письменный экзамен на эту же тему, но без дополнительной литературы, на это давалось большое количество времени. Несколько студентов с нашего курса выпустились сразу осенью 1946 года, но большая часть всё же перед новым годом. Я получила свои документы 20.12.1946 года.

Вернёмся во времени немного назад. Весной 1945 года, молодая пара без жилья и денег, но смелая и оптимистично настроенная, решила обвенчаться 17.6.1945 года, день был назначен на воскресенье. Учёба тогда была продлена на весь июнь до Йоханнеса. Таким образом, мы обвенчались в православной церкви Святой Троицы в присутствии ближайших родственников и других людей близкого круга, а также многочисленных друзей и однокурсников с обеих сторон. После венчания был накрыт скромный стол и кофепитие в ресторане Микадо (улица Маннерхеиминте 6). Большая часть продуктов тогда были доступны только по карточкам, также как и свадебный торт с пирожными, так же сахар и кофе достать было очень трудно. В свадебное путешествие мы отправились в этот же вечер на поезде, а затем используя поезда, пароходы и автобусы. Нашими направлениями были: Порвоо, Ловииса, Лахти, Ювяскюля, Куопио, Савонлинна, Йоенсуу и Коли.

В конце Ирене Сиркейнен пишет: я была счастлива, живя на протяжении всех этих многих десятилетий. Я многое успела увидеть, и несколько войн, и мир вокруг, и нашу страну, которая с головокружительной скоростью развивается и идёт вперёд.

И наконец, главное для меня - это мой добрый, верный друг Эйно, который был и остаётся со мной рядом уже на протяжении 50-ти лет. Не могу быть более чем довольной своей многообразной и наполненной смыслом жизнью.

На этом хочу закончить мою «историю». Читателям она может показаться продолжительной, хоть это и является лишь малой частью того, что я запомнила на протяжении жизненного пути. В заключении хочу рассказать ещё немного.

III. ЭТАПЫ МОЕЙ ЖИЗНИ (ДОПОЛНЕНИЯ)

Будучи маленькой девочкой, когда шла в магазин, я узнала сына Ильи Репина Юрия Репина, который показался мне немного странным. Он шёл без головного убора, кудрявые волосы были завязаны плетёным кожаным ремешком. На ногах были только сандалии, носков у него

не было. Юрий Репин напоминал по внешнему виду Петра Великого. У него был свой отдельный дом недалеко от отца. Он был тоже художником, но в сравнение с отцом не шёл. Жена его умерла, и у него осталось два сына - Гай (Гаюс) и Дий (Диогенес). В то время, когда я жила в Куоккала, сначала мальчики ещё жили там, но затем, один из них оказался какими-то тайными путями в Советском Союзе, а второй, по слухам, где-то в центральной Европе. Юрий был глубоко верующим, слышал, как Бог разговаривает с ним, и голос призвал его построить небольшую часовню на окраине дороги, ведущей в Оллила, где-то в году 1938. На дверях часовни была надпись: Господь сказал мне - будет война. Всем было известно, что за каждую убитую ворону Юрий давал мальчикам одну марку денег. Ворон этих он подвешивал потом под крышей дома. После войны Юрий Репин жил в Хельсинки и умер, выбросившись из окна здания организации Армия спасения.

Дочь Репина Вера, также была по очень известна в Куоккала. Декоративная, старомодная одежда являлась частью её образа, у неё были рыжие волосы, и она всегда носила шляпу, а летом, в добавок ещё и зонтик, ходила она с большим достоинством. Она занималась делами пожилого отца и продавала тайком от отца его рисунки и наброски, так как новых картин он уже не писал.

Илья Репин написал портрет отца Бабу в Куоккала в 1908 году. Этот портрет, как мне известно, находится в городском музее искусств Твери. В каталоге картин Репина он под номером 816.

В Куоккала время от времени летом мог попасться на встречу необычно выглядящий человек с телескопом в руке. Он был учёным, изучающим оккультные науки, так говорили, по крайней мере. Он изучал звёзды, делал предсказания по звёздам, составлял гороскопы. Юлле один раз был у него дома, Бабу тоже его знала. Возможно, он жил в Канерва или даже в районе Келломаки. Его фамилия была Ефимофф, а после войны Элонсяде.

Этот интересный учёный на старости лет обучался в Хельсингском Университете и стал кандидатом философских наук.

Первые автомобили я увидела в Куоккала. Летом, перед прибытием поезда из Выборга, рядом с железнодорожным вокзалом, обычно стояло 2-3 машины, ожидающие возможных гостей на лето или других пассажиров. Кроме машин, стояли ещё 1-2 извозчика на лошадиных повозках. Не помню, чтобы мы пользовались автомобильными услугами, на станцию мы шли пешком, до куда от нас, по короткой дороге было около километра пути. Тяжёлый багаж доставлялся отдельно на лошадиной повозке или, как я помню, Юлле использовал для этого тачку. Помню, что на машине я ехала лишь тогда, когда заболела скарлатиной, и по распоряжению земского врача, мы с Бабу поехали из интерната в Райвола в эпидемиологическую больницу в Кивеннапа, в деревню Ахиярви.

А когда в начале 1930-х годов в Куоккала я видела автомобили с регистром "SF" [Suomi-Finland, прим. пер.], то думала, что это автомобили Suomi-Film/Суоми-Фильм. Годами позже, но ещё в Куоккала, эта аббревиатура стала мне понятной.

Поездка в мае 1951 года во Францию с Бабу было моим первым настоящим путешествием за границу. Это дало мне как бы стимул для моих будущих новых путешествий. И я каким-то образом осознала, что это совсем не невозможная вещь - знакомство с новыми странами, не зная других языков. В эту поездку у Бабу очень болели колени, она не всегда могла пойти туда, куда хотела. В Париже я большую часть времени ходила одна. Однажды, на юге Франции, уже с приближением темноты, мне пришлось искать нам место для ночлега. Бабу осталась сидеть на скамейке, а я на каком-то своём французском пыталась организовать нам комнату. Обратное путешествие с юга обратно в Париж я осуществляла сама, там сестра Эйно Вера помогла мне, и я посетила парикмахерский салон и какой-то магазин тканей. Обратно из Парижа на родину я вернулась самолётом, это был первый перелёт в моей жизни. В аэропорту Хельсинки меня ждал сюрприз - мой первый личный автомобиль. В то время машину приобрести было не просто, на них стояли в очереди годами. У Эйно были связи в Каяяни и ему всё-таки удалось осуществить эту мечту за короткое время моего путешествия. Деньги тоже нашлись, поскольку все усилия и возможности были приложены для этого. Автомобиль был небольшой, но это был Мерседес Бенц, на нём мы потихоньку отправились в направлении Каяяни.

Несколько слов о вере и о делах религии.

Меня крестили в Куоккала, я, как и Бабу, являюсь православной. Помню, что в Куоккала мы посещали церковь время от времени, главным образом на Пасху и в День Святой Троицы; не помню, чтобы в зимнее время. В Райвола я ходила в церковь вместе с другими учениками, в основном в Пасхальные праздники. До церкви было далеко. В Хельсинки я посещала обе церкви. Больше всего я любила атмосферу в Успенском кафедральном соборе. Прекрасный хор, высокие церковные своды, настенные росписи и запах свечей, всегда оставляли светлое праздничное ощущение, хотя по какой-то из причин, я и не следила за ходом слов. Но к духу православия я глубоко прикоснулась ещё во время моих двух путешествий на Старый Валаам, когда я была в скаутах. Многочисленные церкви, звон колоколов и славный хор братьев монахов со всеми праздничными церковными шествиями - это было что-то словами неопишное. Во время войны я была в православной церкви в Йоенсуу, а также в церкви в Яянислинна (Петрозаводске).

Когда пришло время идти под венец, нас обвенчали только в православной церкви; по правилам, венчание должно было пройти по крайней мере в церкви, к которой принадлежала невеста.

Когда пришло время размышлять о крещении первого ребёнка Юки, мы получили информацию, что ребёнка в Финляндии крестят по отцовской вере. Если бы я захотела сделать исключение, мне было бы необходимо получить от отца ребёнка письменное на это разрешение. Я взяла во внимание ещё и то, что, будучи православной, во время учёбы, у меня были некоторые сложности на уроках религиоведения с получением православного образования, приходилось ходить из раза в раз на уроки по разным школам, где нас было порой лишь два, три человека и учитель. Мы с Эйно пришли к заключению, что окрестим Юки в евангелическо-лютеранскую веру. Эйно сам был православным в первые 7 лет своей жизни. Можно предположить, что он и был бы им до сих пор, если бы его родители из удобства не перешли в евангелическо-лютеранскую церковь и перевели с собой всех детей; у

самых младших, разумеется, даже и не спрашивая. Учитывая это и взяв во внимание то, что предки Эйно были православными, кто-то другой мог действовать по-другому и создать православную семью.

Православие, со всеми его традициями намного теплее и душевнее чем лютеранство. Анита однажды задала вопрос, почему она не православная; ответ был - скорее всего просто из-за того, что так удобней.

Мне этот вопрос о религии не ломал голову. Я могла быть на всех мероприятиях лютеранской церкви, на которых присутствовала моя семья. Моя точка зрения такова, что сам по себе образ жизни и отношение к ближним намного важнее, чем то, в каком перечне человек значится. Я даже думаю, что и язычник может быть хорошим человеком, не относясь ни к какому вероисповеданию. Большая часть людей относится к той вере, в которую они были по разным причинам обращены в ходе крещения, будучи младенцами, у которых не спрашивали согласия, по большей части относясь к вероисповеданию своих предков.

Юки, Анита и особенно Марита [трое детей Ирене Сиркейнен, прим. пер.] с детства ходили со мной на праздничные службы в православную церковь, в основном на Пасху. Мои внуки тоже несколько раз были со мной, чтобы ознакомиться с церковью. О переходе из православного прихода в лютеранский я никогда не думала, в моём случае это было бы полностью невозможным. Я очень счастлива, что продолжаю традиции, оставаясь в православном приходе.

Хельсинки 30.11. 1992 Ирене Сиркейнен (Irene Sirkeinen).

Ирене Сиркейнен (при рождении Гаевская, в 1941 фамилия была изменена на Теванто) написала эти воспоминания для своих детей, чтобы они знали историю ее жизни и свои корни. Воспоминания, которые публикуются с некоторыми сокращениями, были написаны по-фински, поскольку дети Ирене не знали русского языка. Ирене, для которой русский язык был родным, первоначально предполагала, что будет разговаривать с детьми по-русски и они быстро освоят его. Однако, жизнь в Финляндии после войны и отношение к Советскому Союзу не способствовали этому плану. Однажды, старший сын Ирене Юки, которому тогда было 2 года, на рыночной площади, увидев летящих уток, громко крикнул по-русски: «Смотри, мама, утки летят!» и вся площадь неодобрительно посмотрела на него. После этого Ирене разговаривала с детьми только по-фински. Тем не менее, Юки сначала пошел в русскую школу в Хельсинки и проучился там один год. Однако затем и он, и, позднее, его сестры ходили в шведскую школу, а позже в финскую. И русский язык постепенно вышел у них из употребления.

Подготовка публикации: младшая дочь Ирене Сиркейнен Марита Виртанен (Marita Virtanen, e-mail: marita.virtanen@fimnet.fi), 2021 г.

С участием интернет-сайта terijoki.spb.ru

Перевод на русский язык: Мария Рюткёнен (Maria Rytkönen), 2021 г.